

ВОЕННЫЙ ПУТЬ Э. Г. КАЗАКЕВИЧА

Публикация Г. О. Казакевич и В. Л. Любельского

Я долго шел дорогой крови
И я пришел с моей Россией.

Из стихотворения Казакевича
«Голландской девушке»

Появление повести «Звезда» вызвало интерес к жизненному и творческому пути Эммануила Генриховича Казакевича (1913—1962).

В январе 1948 г. Эльза Триоле и Луи Арагон в одном из писем к Л. Ю. Брик сообщали о своем намерении напечатать перевод «Звезды» в журнале «Египет» и выразили при этом пожелание: «Интересно было бы получить биографию Казакевича, кажется, довольно необычную».

Выступая на обсуждении повести в Союзе писателей, К. Г. Паустовский сказал: «Казакевич, очень интересный поэт, пришел в прозу с такой зрелой во всех отношениях вещью, и очень хотелось бы узнать, как это произошло».

Казакевич часто говорил: «Тянет иногда писать о себе. Но это когда-нибудь потом, в старости, если она наступит». В 1959 г. он набросал план автобиографической повести. В нем подробно отмечены все вехи его жизни, включая и военный период:

«22 июня 1941 г. Ополчение. Данин. Вильмонт. Шалва Сослани. Стрельченко. Интеллигенты и рабочие. Хлеб. Одиночество. Гурштейн. Винер. Отдельный отряд Особого отдела. Деревня. Лейтенант Раевский. Курсантский полк. Разведка. Первый бой. Мишино. На реке Гжать. Контузия. Отступление <...> Ночь перелома. Лейтенант в немецкой плащ-накидке. Ночью на позиции <...> Летчиков оставили <...> Машины с фкусами <...> Владимир. Выдриган. Шуя. Вступление в партию <...> Пакин. Измалков <...> Отъезд на фронт <...> Возвращение. Встреча с Выдриганом. Штаб МВО. Возвращение на фронт <...> Мое умение быть внешне веселым, а в душе безмерно печальным. Умение не кланяться снарядам. Барыкин. <...> „Задумчивая обезьяна“ <название поэмы, законченной после войны. — *Ред.*>. Ночной поиск. Бездельники от разведки. Дневной поиск <...> Медаль «За отвагу» <...> Запрос военной прокуратуры <...> Поход по Западной Украине. Я верхом. Орлик. Ружин. Милиановиче <...> Возле Ковеля. Взятие Ковеля. Ранение Выдригана <...> Ночевка на mine. Заминированный мир. Разведка боем. Форсирование Буга. Мое зрение <...> Эвакогоспиталь <...> Безрукий красавец. Санпоезд <...> Штаб СибВО. Омск — резерв. „Сын Звезды“. Отъезд. Москва. Тарасенков. Поездка на фронт. Штаб армии. Наступление на Варшаву <...> Преследование противника. Германия. Одер <...> 2 мая. 9 мая <...>»

До войны Казакевич был, как говорится в просторечии, белобилетником: в 1935 г., когда его сверстники призывались в армию, комиссия признала его негодным к военной службе. Это его несказанно огорчило. Он ходил к военным начальникам, просил взять его в армию, писал письма в воинские инстанции; по его просьбе, отец, бывший тогда редактором областной газеты «Биробиджанская звезда» и членом бюро обкома партии, ходил к начальнику воинского гарнизона товарищу Рохи. Но из всех этих хлопот ничего не вышло: зрение у Казакевича было минус восемь и минус десять — без очков он почти ничего не видел.

Э. Г. КАЗАКЕВИЧ

Фотография А. Л. Лесса. Москва, 1948

Собрание А. Л. Лесса, Москва

Когда началась война, Казакевич 3 июля 1941 г. записался в народное ополчение и 10 июля ушел на войну. Вышло так, как он писал в одном стихотворении:

И номер стрелковых дивизий
Заменит квартирный уют.

Так началась военная жизнь писателя, о которой он потом скажет: «Не будь этого, я бы, вероятно, не смог написать „Звезду“ и, пожалуй, „Весну на Одере“».

Настоящая публикация ставит своей задачей осветить военный период в жизни Казакевича — со времени его ухода в народное ополчение и до момента демобилизации. Большинство публикуемых материалов извлечено из личного архива писателя; некоторая часть документов — из Архива Министерства Обороны СССР (все они отмечены знаком *). Все письма, включенные в публикацию, печатаются в сокращении или в отрывках. В связи с этим знаки пропуска в начале и в конце печатаемых отрывков даются только в тех случаях, когда начальная или заключительная фраза приводится неполностью. Письма к жене и детям даются без указания адресатов.

1941

СССР

Союз советских писателей

Правление

10 июля 1941 года

С п р а в к а

Тов. Казакевич Эм. Генр. состоит в народном ополчении.

Отв. секретарь оборонной комиссии М. Бахметьева

〈Июль 41 г.〉

В строю и в учебе чувствую себя, как прирожденный солдат¹. Обо мне не беспокойся — я здоров, как бык! Сохраняй полное самообладание и спокойствие — врага мы разобьем обязательно. И как ни будет трудно и горько, и какие бы ни были на первых порах поражения и отступления — верь в победу, как верю в это я.

И тогда начнется жизнь!

В сердце горит светлый огонь,
И всё мне ясно, всё в светлом сиянии —
Если жить, то *только* в новом мире;
Если умереть, то умереть за то, чтобы он был².

¹ В это время Казакевич был рядовым 22 сп 8 Краснопресненской дивизии Московского народного ополчения.¹

² Подстрочный перевод четверостишия, написанного Казакевичем на еврейском языке.

〈Кунцево, 20.7.41〉

...всё в порядке, и я даже получил за хорошую работу благодарность перед строем части. Я здоров, чувствую себя прекрасно. Моральное состояние хорошее у всех. Едем в поезде, запевай — я 〈...〉 Как только сумею — сообщу адрес. Пиши тогда почаще, умоляю тебя. Я тоже буду писать часто.

〈Глазово, Моск. обл., 22.7.41〉

Пишу с дороги. Всё в порядке, настроение бодрое. Опять адреса еще нет, но будет вскоре. Чувствую я себя хорошо. Боец я, оказывается, хороший. Коллектив спаянный.

Будь сильна и уверена. От твоего спокойствия в большой мере зависит и моя сила.

24.7.41

Я здоров и крепок. Адреса у меня еще нет, мы всё в переходах. Сейчас на стоянке пользуюсь случаем отослать эту открытку.

25.7.41

Нам дали, наконец, адрес, и я пишу тебе с некоторой уверенностью, что получу ответ. А весточку от тебя я так хочу иметь, как никогда раньше.

Никаких подробностей я тебе, конечно, писать не могу. В трех словах: я жив, здоров, бодр. 〈...〉

Тут много милых людей 〈...〉 Только тут по-настоящему узнаются люди. И сам себя я узнаю заново и пока что остаюсь доволен.

〈Уваровский р-н Моск. обл., 1.8.41〉

Теперь мой адрес опять изменился, сообщая тебе его и прошу тебя, милая, часто писать. 〈...〉

Мой адрес: Полевая почта № 527, п/я 33, литер 8.

<14.8.41>

... адрес снова изменился <...>, сообщу на днях. И прошу, бесконечно рад буду получить от тебя вести. <...> Здоров, крепок, уверен в себе. Хорошо стреляю...

<15.8.41>

Совершенно неожиданно изменился мой адрес. Еще недавно я был назначен комсоргом нашей роты и затем последовал вызов. Я быстро распростился с товарищами и новоприобретенными друзьями и выехал. Мой теперешний адрес: Действующая армия, полевая почта 571, особый отдел НКВД-32 ¹.

Настроение мое вполне хорошее, чувствую себя превосходно <...>

Хочу перейти работать в разведку. Если удастся — хорошо. А впрочем — хорошо и так. Главное быть уверенным, всегда бодрым и мужественным.

Здесь сила воли подвергается решительному испытанию. Пока я испытание выдержал. В активе у меня — две благодарности и, — правда, несбывшееся — назначение комсоргом роты. Что ж! Для начала не плохо. <...>

Писать нет времени, а иногда, в свободную секунду, очень хочется опять взяться за Колумба, старого друга ². Но кто знает, когда до этого дело дойдет. Надеюсь — скоро.

¹ В августе 1941 г. Казакевич короткое время находился при штабе 32 армии.

² Перед войной Казакевич писал трагедию в стихах о Колумбе, под названием «Адмирал океана», киносценарий о Моцарте, книгу новелл, стихи.

С Е С Т Р А

Шуре Девяткиной

Сегодня бой, как и вчера,
И рядом мины рвутся снова,
Но вдруг становится тепло вам
От слова нежного «сестра».
Она проходит между нами
В зарницах боевых ночей,
Как меж большими валунами
Прозрачный благодатный ручей.
И пусть трепещет в ветре хвоя,
И индевет пусть кора,
Но с нами верная сестра,
Которая на поле боя
В разрыве бешеном «ура!!»
Не сдаст, не бросит, не забудет,
Согреет в стужу, в зной остудит,
И в мглу осенних вечеров,
И в всплески боевого грома
Внесет и бодрость и любовь,
И теплый, нежный запах дома.

Сентябрь 41 г., 39 сп, Зап. фронт

Это стихотворение посвящено Казакевичем медсестре Шуре Девяткиной, служившей с ним в одном полку.

В сентябре 1941 г. Казакевич был направлен на краткосрочные курсы по подготовке младших командиров и попал в учебную бригаду Западного фронта. Вскоре началось тяжелое время отступления, и учение проходило попеременно с боями. Вот

что рассказывает об этом времени Н. М. Кулагин, доцент Московского авиационно-технологического института:

«Это было 6 октября. Мы выгрузились под Гжатском в районе села Покрова. Началась артподготовка. Мы наспех окопались и открыли огонь по противнику. В кустарнике, на косогоре, со станковым пулеметом действовал Казакевич. Нам было трудно. Нас жали назад. Нас обстреливали с самолетов, из минометов и пулеметов. Мы несли большие потери. Ночью Казакевич с группой бойцов ходил в разведку, а утром, когда бой возобновился, я снова видел Казакевича, выпускающего очередь за очередью из станкового пулемета. В последние часы, когда кончился запас ленты, я видел бешено метавшегося на линии боя Казакевича с автоматом и гранатами. Бригаду разбили, бойцы группами, отстреливаясь, уходили на восток. В этой суматохе я потерял из глаз своего друга».

Этот рассказ Н. М. Кулагин передал жене Казакевича в собственноручной записи. В последующем бою у д. Мишино 8 октября 1941 г. Казакевич был контужен.

(Владимир, 4 декабря 41 г.)¹

Получил только что открытку от Секунды² с этим адресом. Пишу, авось, получишь. Я жив, здоров. Пуля меня пока не брала, надеюсь, что и дальше так будет. Как я хочу вас видеть <...> Хотя бы получить письмо!³

¹ К этому времени учебная бригада Западного фронта была переименована в 4 курсантскую запасную стрелковую бригаду и переведена под Владимир.

² Фамилия соседки по квартире.

³ Жена Казакевича с больными детьми находилась три месяца в Андижане в больнице, и связь с семьей у него временно была потеряна.

(4.12.41)

Очень хочу вас видеть. Надеюсь, что это вскоре сбудется, когда погоним немцев.

Забрала ли ты с собой мои бумаги? Они еще пригодятся. Я уверен.

26.12.41

В Ташкент я вам отправил много писем, но ответа не получил. Впрочем, я так привык к этому за время войны. <...>

В свободное время — о, как его мало! — пишу русские стихи, одно, новогоднее, послал сегодня в «Правду», правда, без надежды на то, что его напечатают, потому что при работе почты оно прибудет в Москву после 1 января 1942 г. и, следовательно, не подойдет. <...>

Я не отослал письмо и за это время в моей жизни случились некоторые изменения. Выяснилось, что мой адрес изменился мало <...> Живу в городе после шести месяцев полевой жизни.

1942

15. 1. 42

Я всё еще не имею от тебя писем <...> Но я пишу — я уже привык к этому безрадостному писанию писем на авось.

Я здоров. В свободное время — а его у меня теперь гораздо больше — пишу пьесу под заглавием «Сон в декабрьскую ночь» — о нашей войне. Таким образом, мое свободное время делится на две части — на пьесу и на думы о вас. Вторая часть занимает, пожалуй, больше времени и стоит больших мучений. Как вы устроены, с чего живете — эти вопросы неотступны. Пиши, пиши и пиши. <...> Пробуду здесь я не меньше месяца. <...>

В ближайшие дни я, вероятно, получу довольно ответственное назначение в нашей воинской части, тогда напишу. Возможна в ближайшие же дни моя поездка в Москву на несколько дней. О, если бы вы там были,

дорогие. Но вы страшно далеко. Все равно, когда я вернусь с войны — а я постараюсь вернуться — мы «набудемся вместе».

〈Январь, 1942〉

...если твой адрес, сообщенный мне Секундой, верен, пошли немедленно ответ. Я так жажду получить от тебя хоть несколько слов.

Я получил звание лейтенанта, назначаюсь адъютантом командира полка, подполковника Выдригана¹, который меня очень полюбил, как, впрочем, и я его. 〈...〉

Через два-три дня я (наконец) еду в Москву — в командировку. 〈...〉

Итак, как видишь, я «в чинах». В Москве обязательно сфотографируюсь и пошлю тебе фотографию — пусть хоть детки посмотрят на своего папу-лейтенанта.

〈...〉 как тяжело, что вы все так далеко и я не могу вас увидеть, пока я в тыловой части. Придется, значит, увидаться после войны. Зато, увидевшись, мы устроим большущий праздник. Итак — жди и надейся — вот девиз.

Ехать в Москву мне, несмотря на ваше отсутствие, хочется очень. Я в армии только увидел, как люблю я этот город.

¹ Захар Петрович *Выдриган*, ныне генерал-майор в отставке, сыграл большую роль в военной биографии Казакевича. Казакевич писал о нем: «Выдриган был бесстрашным командиром, которого любили и высоко ценили подчиненные ему военнослужащие, а также его начальники, в том числе такие, как маршал Рокоссовский, генерал-полковник Крылов, генерал-полковник Попов, генерал-полковник Гусев и др. Мы, разведчики, особенно ценили т. Выдригана как справедливого и храброго начальника, для которого советский военный долг был превыше всего. Опытный военный, прошедший три войны, раненный шесть раз, старый член партии, он во многом являлся для нас образцом советского командира. В моих произведениях — повести „Звезда“ и романе „Весна на Одере“ — Захар Петрович Выдриган частично изображен в образах полковника Сербиченко („Звезда“) и генерал-майора Тараса Петровича Середы („Весна на Одере“). Немало моих сослуживцев по дивизии узнали т. Выдригана в этих литературных героях».

Д. С. ДАНИН У¹

2.2.42

Дорогой друг! В Москве, где я был в командировке, я узнал от Рунина, Фурманского, Маргариты Алигер и других друзей, что ты жив, здоров и работаешь (наконец!) в газете. Что касается меня, то я жив и не работаю в газете. Я — лейтенант и назначен адъютантом командира полка — замечательного, кстати, человека. С учебной бригадой, куда я уехал от лейтенанта Раевского, я участвовал в боях и отходах. Все это тебе приблизительно известно. Я при отходе командовал взводом и вообще вел себя довольно хорошо. Много думал о тебе и твоей судьбе. Ясно представлял себе тебя, выбирающегося из окружения, что ты при этом говоришь, делаешь, думаешь и т. д. А Гроссман?² Я предполагал, что он не выберется. Напиши мне, что с ним. Напиши также, что тебе известно о судьбе Шуры Девяткиной. Я часто думал о ней.

¹ Даниил Семенович *Данин*, писатель, был в народном ополчении.

² Борис *Гроссман*, критик, погиб в окружении осенью 1941 г.

Д. С. ДАНИН У

5.3.42

Даня, дорогой! Наконец-то я получил от тебя письмо, и 3 марта 1942 г. выяснилось, что самые дорогие мне люди живы и здоровы. До этого времени твое молчание было пробелом в этом списке. 〈...〉

«Смутное влечение чего-то жаждущей души»¹ осталось, но оно не столь остро, как бывало. Должен тебе сказать, что в октябре и ноябре я думал о тебе много, представляя себе, как это произошло у тебя. Что

касается Бориса Гроссмана, я был почти уверен, что с ним будет так, как, вероятно, и было. Но и теперь я почти уверен, что он как-нибудь явится. Мне вообще иногда кажется (вероятно, потому, что я остался в живых), что всё — игра какого-то хитренького бога, который забавляется, заставляя людей играть в прятки. И хотя многие исчезают, но скоро они явятся, запыхавшиеся, радостные и гордые, рассказывая были и небылицы.

Правда, к Гурштейну это не относится. И к Крымову это не относится. И, вероятно, ко многим это не относится. Но это уже недоразумение. Они просто, заблудившись, нашли лучшее место для жилья, что ли. Может — там цветы, весна, чёрт его знает. А может — и они еще явятся. Ну, хватит.

Шуру Девяткину я бы очень хотел видеть. Ты не можешь даже представить себе, как она не выходит у меня из головы. Мне тяжело представить себе, что произошло, если она оказалась в плену. Это почти, как любовь, и, конечно, не любовь, а сожаление. И еще что-то.

Мне писали из Чистополя, что Борис Пастернак переводит «Ромео и Джульетту». Я написал моему адресату о нашей любви к Б(орису) Л(еоновичу) и о том, как мы в условиях тяжелейших как-то утешались его стихами, и просил передать ему это. Пусть будет рад, что и он пригодился на войне. <...> Кто работает с тобой в газете? ²

¹ Из стихотворения А. С. Пушкина «Когда б не смутное влечение чего-то жаждущей души...»

² Данин тогда работал в газете 32 армии «Боевой путь».

〈ШУРЕ ДЕВЯТКИНОЙ〉

Тот ветер, могуч и неистов,
Что слабым не даст и вздохнуть;
Та сила, что жен декабристов
Послала в сибирскую жуть;
То пламя, что избранных мегит,
Та нежность и твердость в борьбе,—
Та сила, то пламя, тот ветер,
Та твердость и нежность — в тебе.

Д. С. ДАНИНУ

Шуя, 14.3.42

Дорогой Дания! На обороте мой новый адрес. Пиши мне часто. <...> здесь я и пробуду до весны, а там и опять на фронт пора. <...> Хорошо бы было работать в редакции вместе. Но, к сожалению, это пока невозможно. Может быть — когда-нибудь после войны.

Шуя, 21.3.42

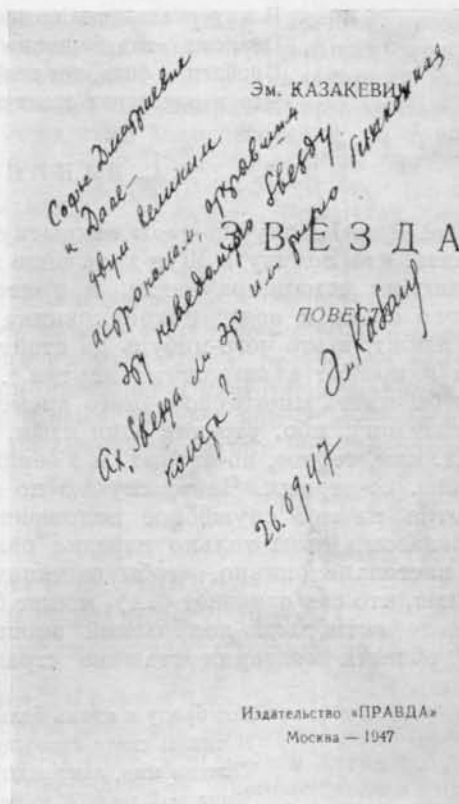
Чувствую я себя хорошо и искренне доволен, что я в армии и посильно помогаю борьбе с противником. Особенно это чувство укрепилося во мне после пятидневного пребывания в Москве. Я видел там постаревшего и почти потерявшего свой апломб М., еще красивого, но похожего на фейхтвангеровского Зюсса после его покаяния. Кстати, должен тебе сказать, что отъезд О. из Москвы меня удивил — я думал, что песковская свинья его удержит там, несмотря на всё. Но страх оказался сильнее даже свиньи. Нет, каждый мыслящий человек должен теперь быть в армии, если только он не женщина и не баба.

Конечно, иногда безумно тянет к своим писаньям — ведь все-таки я писатель, чёрт возьми! Тянет к Колумбу, которого я чувствую иногда где-то возле себя даже своим обонянием, тянет к Моцарту и к десяткам

«ЗВЕЗДА»

Первое отдельное издание повести
Э. Г. Казакевича.
М., изд-во «Правда», 1947

Титульный лист с дарственной надписью автора первому редактору «Звезды» С. Д. Разумовской и Д. С. Данину, 26 сентября 1947 г.
Собрание Д. С. Данина, Москва

недописанных поэм и пьес. Не хватает той внутренней интенсивной жизни, которой я жил последние несколько лет до войны. Но я надеюсь на скорое окончание войны, и тогда мы повоюем с пером в руке с могучими призраками, осеняющими меня и теперь перед тем, как я засыпаю. И на бумаге еще ярче и сильнее (от долгого воздержанья) расцветут образы <...>

Предназначенное расставанье
Означает встречу впереди ¹.

Но больше даже, чем с великим генуэзцем и неаполитанским рыбаком (помнишь этот сюжет, пришедший ко мне в последнее время перед войной), мне хочется встретиться поскорее с тобой, с Женичкой, с Ляличкой, с вами — моей плотью и кровью. Что ж? Будет и это.

¹ Из последнего стихотворения С. Есенина. В стихотворении не «означает», а «обещает».

23.3.42

Галечка, милая, посылаю тебе написанные мной вчера ночью стихи. Оцени в них некоторую зрелость выражения чувств.

Стихами человек заговори,
И боль, хоть не пройдет, но станет сразу
Подобна трезвой тяжести вериг,
Доступна уху и приметна глазу.

Вот так святой водой огонь гаси
И к гнездам строф неси обрывки речи,
Соломинки от боли принеси
В окровавленном клюве, человече.

И в суете свиванья хрупких гнезд,
Повисших над бездонностью колодца,
Пройдет та боль, тот некий злой нарост,
Что в раковинах жемчугом зовется.

Д. С. ДАНИНУ

Шуя, 29.3.42

Дорогой Даня! Получил твою открытку только что. Я уже перестал было верить, что получу в Шуе хоть одно письмо. <...>

Я адъютант командира части, и притом — командира прекрасного, прошедшего огонь и воду, подполковника, достойного быть генералом. Он меня любит, и это чего-нибудь да стоит.

Вчера я принят в кандидаты партии¹.

Я мог бы иметь много свободного времени, но оно бы тяготило меня. Писать я не могу, ибо, утратив один язык, я не обрел еще другого — это во-первых, или, вернее, во-вторых, и в сердце пустовато — это во-вторых, или, вернее, во-первых. Часто скучаю по своим девочкам. <...>

Несмотря на мое служебное положение, обязывающее по традиции быть ловеласом, мною только изредка овладевают греховные желания, и то не настолько сильно, чтобы заставить меня быть активным. <...> Не понимаю, что сие означает <...>, может быть, необходимое отупение — отдых после октябрьско-ноябрьской эпопеи, когда я по дорогам Московской области повторял ставшие страшно актуальными тютчевские слова:

Вот бреду я вдоль большой дороги
В тихом свете гаснущего дня.
Тяжело мне, замирают ноги.
Друг мой милый, видишь ли меня?²

Думаю, что это пройдет вскоре.

Что касается Шуры Девяткиной, то я <...> ищу ее имя во всех газетах, особенно в списках награжденных. Ты наверно помнишь, что в Семлеве, на погрузочных работах, я напроорочил ей орден Красной Звезды. И так как в глубине души я верю, что я пророк, я, естественно, ищу подтверждения моим предсказаниям.

Когда я был в Москве, я видел Рубинштейна, Фурманского, Алигер, видел М., постаревшего <...>, видел выложенного шпалами С. И я начал подозревать, что мне, молчаливому поэту, не пишущему писателю, лучше, чем им. Что-то накапливается в сердце и не разбрызгивается понапрасну в поневоле пустых, ибо незрелых, словах. <...>

Иногда я начинаю тосковать по моим писаниям, особенно по трагедии о Колумбе, которую я оставил недописанной в буйном цветении, 21 июня 1941 года. Будь со мной ты, я стал бы писать пьесу — есть у меня замысел, называется «Неаполитанский рыбак» — может быть, совместно с тобой. Но один я не могу приняться за что-либо, мне перестало хватать для этого двух глаз, двух ушей, двух рук. Но я думаю, что это пройдет, и я начну писать, в конце концов.

¹ С 28 марта 1942 г. Казакевич стал кандидатом в члены ВКП(б) с годичным стажем.

² Из стихотворения Тютчева «Накануне годовщины 4 августа 1864 г.».

1.4.42

Как живут девочки? Как я хочу их видеть — это трудно описать. Работаю я много — с семи утра до двенадцати ночи <...> Живу хорошо, одет, как подобает человеку в моей должности, — с иголки, и когда б не забота о вас, мои милые жена и дети, я был бы почти счастлив, насколько

это возможно для писателя, который не пишет ничего, кроме писем. Но если ты будешь писать часто, ты сильно облегчишь мою судьбу.

Что такое адъютант — тебе понятно: это — правая рука командира. Его слово воспринимается как слово командира. Нужно только, чтоб это было дельное и умное слово. А за этим дело не станет, не правда ли?

* От адъютанта командира 354 КЗСП
младшего лейтенанта
Казакевича Э. Г.

Командиру 354 КЗСП
подполковнику
З. П. Выдригану

Р а п о р т

Узнав о том, что вы подаете рапорт командиру 4 КЗБ о направлении вас в Действующую армию, на Южный фронт, прошу вас убедительно: возьмите с собой и меня. Высоко ценя ваши качества командира Красной Армии, я хочу быть на фронте с вами. Можете не сомневаться в том, что я готов на любые невзгоды и на смерть, если она будет необходима для победы.

Эм. К а з а к е в и ч

27.4.42, Шуя

МОЦАРТ И САЛЬЕРИ

СЦЕНАРИЙ МУЗЫКАЛЬНОГО ФИЛЬМА
НАВЕЯН МАЛЕНЬКОЙ ТРАГЕДИЕЙ А. С. ПУШКИНА

П р е д и с л о в и е

Сценарий этот имеет некоторую историю, которую следует рассказать.

Незадолго до войны, в мае 1941 года, мой друг и зять З. А. Гуревич, голова которого была полна прекрасными литературными проектами, встретил меня на пороге своей темной комнаточки в Москве, в Сокольниках, и предложил написать сценарий на тему пушкинского «Моцарта и Сальери». Я охотно согласился <...> Впрочем, я очень сомневался, что этот сценарий будет написан и тем более принят, но творческая сила играла во мне и я бы взялся тогда взгромоздить Оссу на Пелион, не только Пушкина — на экран.

В моде были музыкальные фильмы. Только что отгремел успех «Большого вальса», венский маэстро Йоганн Штраус стал любимцем колхозников и молодых ткачих, и несравненная Милица Корьюс в роли Карлы Доннер пленила москвичей.

Я запоем прочитал только что вышедшие американские сценарии Роберта Рискина, почерпнув из них поверхностные сведения о настоящем кино и хорошем киносценарии.

В берлинских штабах и на скале Берхтесгаденского безумца уже были до деталей разработаны все планы военного нападения на нашу Родину, но я не знал этого, и в Ленинской библиотеке стал читать всё относительно Моцарта и его жизни. Из страниц старых книг, из строк великого дилетанта Стендаля, из музыкальных умствований Ромена Роллана и Стефана Цвейга возник предо мной обаятельный образ Моцарта, как цветок, живой и трепещущий. Чего греха таить, я находил в этом гениальном ребенке свои собственные черты — странную смесь лености и необычайного трудолюбия, любви к разгулу и страсти к творчеству, скромности и чудовищного самомнения.

В пять дней я написал первые шесть эпизодов моего «Моцарта» и в воскресенье утром, 22 июня 1941 года, повез их в Москву (я жил тогда в Песках). В Москве узнал я о нападении Германии на Советский Союз.

Моцарт завял, не успев расцвести, в первых бурях Великой Отечественной войны. Безропотно вычеркнул я из памяти этот пленительный

образ, а 3 июля пошел добровольцем в Красную Армию. После боев, страданий, горечи отступления, после тысяч глубочайших переживаний, я очутился в городе Шуе, оттуда поехал в командировку в Москву, и у соседки в Сокольниках нашел рукопись своего сценария. У меня сжалось сердце при взгляде на эти уже успевшие пожелтеть листки. Стефан Цвейг к тому времени уже пустил себе пулю в лоб¹, а Ромен Роллан гибнет до сих пор в маленьком городке оккупированной немцами Франции.

С ликованием читал я в метро, в трамваях, на бульварах мою рукопись, и Моцарт встал передо мною опять, как живой.

Да, мне понравился мой сценарий. И если я сумею, я закончу его сейчас, как бы ни был он неактуален. Ибо война закончится, недостойные соотечественники Моцарта будут истреблены, а Моцарт останется вечным, пока солнце будет светить, а человеческое сердце чувствовать.

Эм. К а з а к е в и ч

Май 1942 г.

¹ Стефан Цвейг вместе с женой отравился в 1942 г.

1 мая 1942 г.

Я в свободное время (как ни мало его у меня) продолжаю писать пьесу. «Сон в ноябрьскую ночь» она называется <...>¹

¹ Эту пьесу Казакевич писал в Шуе и во Владимире; она, а также большинство дневниковых записей и стихов пропали: частью утонули при переправе через Западный Буг, частью во время боев и в передвижениях, остальное — когда Казакевич был ранен под г. Влодава и отправлен в эвакогоспиталь.

Выше, в письме от 15.1.42, эта же пьеса названа: «Сон в декабрьскую ночь».

20.5.42

...ты всегда была нова для меня и всегда близка. <...> Я только смутно вспоминаю, что когда-то, за что-то на тебя сердился, — но в памяти у меня — ты только хорошая, только родная, желанная, несмотря на семь лет совместной жизни, — и духовно близкая. Как дерево, я мог играть листьями с ветром — только листьями, предметом преходящим, но корнями я был в родной душистой почве, к ней привязан всегда и навсегда. Так я связан с тобой, как корни с почвой.

Я пишу это для того, чтобы дать тебе понять, как ты мне дорога, и как нужно мне, чтобы ты жила. И как важно мне, чтобы мы, пережив войну, зажили вновь — так, как прежде, но еще лучше. И чтобы то, что я могу и должен написать — а я могу очень много, у меня душа разрывается от неистраченных сил, — я написал с тобой и с Женичкой и с Ляличкой. <...> Ты знаешь, что я скуп на такие излияния, но если я уже скажу, то правду.

Д. С. Д А Н И Н У

16.6.42

Даня, дорогой! Получил твое письмо. Рад, все-таки, что ты в армейской газете <...> У меня всё по-прежнему. На фронт еще не посылают, хотя пора бы уже, по совести говоря.

Хочу писать и, кажется, могу писать — пьесу, но нет времени и душевного спокойствия. Особенно последнего.

Владимир, 18.7.42

Я переехал на новое место <...> Я назначен заместителем редактора военной газеты¹. Таким образом, меня, неожиданно для меня самого и без каких-либо просьб с моей стороны, вернули некоторым образом к моей довоенной специальности. Что ж, хотя и не хотелось уезжать от друзей в полку, но, вероятно, всё к лучшему.

Э. Г. КАЗАКЕВИЧ (справа) и ПОДПОЛКОВНИК З. П. ВЫДРИГАН

Фотография. Шуя, весна 1942 г.

Собрание Г. О. Казакевич, Москва

Посылаю вам свою фотографию с командиром полка, с которым я был прежде.

¹ Газета «Боевые резервы» 4 КЗСБ МВО

14.8.42

Я себя неважно чувствую и не выхожу. В связи с имеющимся досугом перечитал твой два последних письма. <...> Меня еще раз рассмешил приведенный тобой в письме диалог Женички, Лялички и Аллочки о том, «старенький» ли я уже или еще молодой. Женичка показала себя романтической натурой, не лишенной фантазии. В противовес ей Ляличка — натура весьма уравновешенная, делающая свои умозаключения на основании голого опыта — чистая эмпиристка, рационалистка французской школы XVIII века. Ее слова о том, что «раз мама не стала старенькой, значит и папа тоже» — достойны барона Гольбаха. Аллочка, в силу своей большей зрелости, не удовлетворилась таким грубо-эмпирическим объяснением природы вещей, разъяснила вопрос уже скорей по-марксистски, с полным учетом существующих в данный момент условий классовой борьбы.

Но в общем наиболее зрелой, может быть, показала себя идеалистка Женичка, все-таки, несмотря на то, что ее философская концепция на первый взгляд и кажется кантиански-наивной. Но в ее словах — горький опыт человека, видевшего немало горя и ожидающего от жизни многих каверз даже вопреки логике вещей. «Не ищи логики в жизни!» — так мощным колоколом звучит философия шестилетней Гипатии (была такая женщина-философ в Александрии лет 1500 тому назад) — от нее, от жизни, можно ожидать любых неприятных сюрпризов.

Вот тебе маленький трактат о великом философском диалоге двух наших дочерей и племянницы, коих я крепко целую.

Ты спрашиваешь меня о положении на фронтах. Положение тяжелое, но не нужно ни в коем случае ударяться в панику. Победен тот, кто чувствует себя побежденным, — справедливо говорил Клаузевиц. Это чувство не должно и не может быть у нас. Немца остановят и погонят. И это будет, и будет в нынешнем году. Я твердо надеюсь на это.

<Август 1942 г.>

Ты спрашиваешь о положении на фронтах. Что ж, Информбюро сообщает положение точно, как оно есть. Положение весьма тяжелое, но нет никаких оснований опускать руки. Наоборот, ведь нас воспитывали так: чем тяжелей, тем бодрей должен ты быть, твердо и уверенно делая свое дело.

Немец имеет большие успехи. И теперь главное для нашей армии — стойкость. Нужно выдержать последний отчаянный натиск немцев во что бы то ни стало. Это — девятый вал. Если мы выстоим — конец немцу. Думаю, что мы выстоим.

20.8.42

Сравнительно давно не писал, ибо был в командировках. У меня пока всё по-прежнему. Проходят уже последние летние дни, вскоре опять — осень. Перспектива, конечно, неважная. Зато военно-политические перспективы улучшаются, несмотря на некоторые неудачи, преследовавшие нас на Юге. Держитесь крепко и ждите больших, радостных событий.

<Август 1942 г.>

Мой дорогой друг, моя милая Галечка! Получил твое сообщение о смерти отца. Меру моего сочувствия мне трудно выразить. Я только напоминаю тебе мою боль при потере своего отца в конце 1935 года. Такова

судьба людей: терять своих отцов, а затем умирать самим на горе своим детям <...>

Я много разъезжаю и поэтому пишу тебе реже, чем мне хотелось бы. <...> Переписываю для тебя посвященные тебе стихи:

ВЛАДИМИРСКАЯ ЭЛЕГИЯ

Жене и другу Гале

Ты вновь со мной. Хотя бы и во сне,
В мечтаниях несбыточных хотя бы,
Но все равно приходишь ты ко мне,
И шепчут про тебя кусты и грабы,
И ночь сама на чуждой стороне,
Где жены жадны, а мужчины слабы.
Ты вся — со мной. Весь мир совсем иной,
Но ты все та ж, и ты опять со мной.

Здесь древний город. Сколько женщин в нем!
Под липками осенними аукай —
И подойдут. И позовут в свой дом.
Но не с тобой, — так лучше уж со скукой.
На древних войнах били кистенем,
А нынче глушат сталью и разлукой.
Разлукою и сталью, и едва ль
Разлука не убийственней, чем сталь.

Вот путь к тебе недалекий на Восток.
На Западе ж — распятая Россия.
О, сколько солнц и лун пройдут свой срок!
Как бесконечен путь к вратам Батыя!
Пусть путь на Запад мрачен и далек —
Лишь Западом могу к тебе прийти я.
Быть может — шар земной я обогну в борьбе
И, обогнув, смогу дойти к тебе.

Мне всё равно, где встретишься ты мне, —
Под тополем, под липой или кленом,
И постареешь ли ты к той весне,
И будешь ли ты в белом или зеленом...
Теперь ты мне являешься во сне,
Мы оба — вместе в будущем бездонном.
О, тяжкий сон, в котором я живу!
Лишь то, что будет, — будет наяву.

23.8.42

Во-первых — о положении на фронтах. Да, положение напряженное, но совершенно незачем впадать в неуверенность. Страх многих людей в тылу объясняется их неустойчивостью: зимой они уже думали, что война кончается. А когда опять возник опасный момент — они ударились в другую крайность. Нужно сохранять полное спокойствие — вот что главное для граждан. А для военных главное — стойкость. Я лично уверен в том, что положение скоро будет стабилизировано.

28.8.42

Милые мои, вчера вечером передали сообщение «В последний час» о сильном ударе противнику на Западном и Калининском фронтах. Это —

неплохо. Но не надо вдаваться в другую крайность, в телячий оптимизм. Надо быть спокойным, соблюдать полное спокойствие, выдержку.

8.10.42

Галечка, ты просишь сообщить о положении на фронтах. Положение таково: враг крушит свой лоб о стойкость Сталинграда — невиданную стойкость, не идущую ни в какое сравнение ни с чем в истории. Сталинградский узел имеет крупнейшее значение. Захватить Сталинград — значит отрезать Север от Юга, перерезать важнейшую артерию, связывающую страну, перерезать взаимодействие фронтов. Немцы стараются поэтому захватить Сталинград во что бы то ни стало, бросая тысячи самолетов и танков, десятки дивизий на сравнительно узкий участок. Но эта лавина разбивается о железную стойкость наших войск. С другой стороны, немцы осуществляют сильный натиск на Кавказском фронте, пытаются прорваться на Грозный — важный нефтяной район. А что такое нефть в нынешней войне — тебе понятно. Но и здесь немцы, терпя огромный урон, не двигаются вперед. Гитлер отдал приказ: взять Сталинград еще в августе, а потом — в сентябре, взять Грозный в сентябре. Как видишь, в приказ Гитлера внесены нашими войсками некоторые важные «поправки». Сегодня 8 октября, а Сталинград и Грозный в наших руках, и имеются все основания надеяться, что *они и останутся в наших руках*. Что касается «томми», то они, сукины дети, медлят. Они боятся провала, и вообще стараются выиграть время, верные своей старой традиции: воевать чужими руками. Но я все-таки полагаю, что британские военные в конечном счете будут вынуждены выступить <...>

Скоро наступит решающая зима. Чем лучшие успехи мы будем иметь, тем скорее будет открыт второй фронт. А пока приходится полагаться на свои собственные силы, а они достаточно велики.

Оснований для пессимизма не должно быть. Как бы ни было трудно — нужно выдержать. Дело улучшится.

25.10.42

Только что получил письмо, в котором ты описываешь свою хреновскую жизнь. Описываешь ты ее очень живо, с блеском литературным, но от этого она не легче.

Напиши вместе с Галей о ваших планах. <...> Главное — картошка, хлеб, дрова. А насчет мучений нравственных — вас двое взрослых, самостоятельных, выдавших виды людей, прошедших Биробиджан, харьковский дом отдыха¹ и т. д. и т. п. Ты не одинока, с тобой сестра — человек, видимо, решительный. Да и ты тоже не лыком шита, хотя среди лыка живешь. <...>

В общем, не пропадем. Тем более, что немецкий натиск на Сталинград разбивается вдребезги, а это самое главное.

¹ Сестра жены Казакевича Анна Осиповна (Галя) в 1937 г. в Харькове была арестована вместе с ее мужем Федором Щербаком, партийным работником, погибшим впоследствии в тюрьме.

25.11.42

Вчера приехал из продолжительной командировки на фронт. Поэтому тебе не писал. Когда приехал, застал 12 писем, в том числе три от тебя <...> и от одного моего нового (уже военного) друга — Данина.

Последние события на фронте тебе известны. Немцев крепко бьют под Сталинградом, немного — под Владикавказом. Огромные последствия будет иметь наступление союзников в Северной Африке. Горизонт проясняется. Но так же, как я советовал тебе не терять бодрости в дни наших поражений, так и теперь советую не думать, что завтра победа.

Враг еще силен и можно ожидать от него немало неприятностей. Но перспективы — хорошие. События явно повернулись в нашу пользу.

Моя дорогая, есть все основания полагать, что эта зима окажется последней военной зимой, во всяком случае — последней *напряженной* военной зимой. Не за горами наша встреча. <...>

Милые мои детки! Мне очень хочется вас видеть. <...> Когда мы перебьем всех немцев, а самого Гитлера повесим на дереве, я к вам приеду и привезу книг, яблок, конфет <...>

30.11.42

Напиши мне, вернее, опиши, как проводят время дети. Иногда, когда я просто иду по улице или работаю, дети появляются перед моим умственным взором, и глаза становятся горячи, как от слез, — от нежности и жалости к ним и к тебе. Тем радостнее будет наша встреча. А события назревают такие, что можно говорить о встрече не в порядке туманных надежд, а как о реальном будущем.

5.12.42

Начался последний месяц этого года. Еще несколько дней и начинается великий 1943 год. Великий потому, что он может оказаться если не годом окончания войны во всем мире вообще, то во всяком случае — годом очищения большей части нашей советской территории от немцев.

Моя работа идет неплохо. Даже иногда совестно, что приходится жить в сравнительно хороших условиях, в тылу. Посылаю тебе мою статью из октябрьского праздничного номера нашей газеты на эту тему.

Моя милая, если бы не постоянные думы о вас, от которых так иногда тяжело. Но в сердце непоколебимая уверенность в том, что мы будем все вместе и я продолжу свои труды — хороши они или плохи, но я ими жил, и часто думаю о моем «Колумбе», о «Моцарте» и о десятках еще не написанных вещей. Утешаюсь тем, что как только кончится война, я начну писать роман — большую книгу, которая иногда болезненно ощутимо стучит в сердце, как ребенок восьми месяцев стучит в живот матери. Она уже готова, может быть, и нужно только, чтобы не было войны, а были — ты, Женичка и Ляличка и много белой бумаги на столе. А это будет. <...>

Немцев у Сталинграда и на Центральном фронте теснят на запад. Конечно — это только начало, но начало многообещающее. Это, как сказал Черчилль об операциях союзников в Северной Африке, «еще не конец, это даже, возможно, не начало конца, но это уже конец начала...»

1943

2.1.43

Итак, мы живем в 1943 году. И мы еще живы, и, надеюсь, будем живы. Новый год встретил я здесь хорошо и поднял тост за наших жен и детей. Этот тост был подхвачен всеми командирами, и я с истинным удовольствием выпил за тебя и детей. Ты ведь знаешь, что я могу быть веселым. Я и был весел и явился неожиданностью для нашего командования и всего комсостава, которые знали меня довольно замкнутым и саркастическим офицером типа Печорина. Моя милая, все это немалое количество водки и блеск украшенной елки с каким наслаждением променял бы я на один вечер в занесенной снегом деревне под дурацким названием Зигановка!

12.1.43

Дорогая Галя, пишу тебе под свежим впечатлением сообщения Совинформбюро о занятии нашими войсками Кисловодска, Пятигорска, Георгиевска, Железноводска и ряда других пунктов на Северном Кавказе.

Наступление наше продолжается с поразительным успехом. Немцы научились убегать совсем по-итальянски. Одним словом — все яснее вырисовываются контуры грядущего поражения немцев.

Моя милая, получил вчера твое письмо, в котором ты мне описала «наряды» Женички, Лялички и твои. Ничего. Зато после войны я вас одену так, что все закачаются.

18.1.43

Уже перевалило за половину января. Здесь сильные морозы. На фронте мощное наступление наших войск, крошащих в муку немецкие войска.

Об отпуске к вам я буду говорить завтра или послезавтра. <...> Напишу тебе немедленно, как только получу ответ от генерала. В первых числах февраля я поеду в командировку в Москву. А в середине февраля — конечно, если я получу положительный ответ — я поеду в родную Зигановку. Приеду при новой форме — в погонах, как мой предок М. Ю. Лермонтов.

27.1.43

Сегодня приехал из командировки. Чувствую себя превосходно и к тому же получил твое письмо, в котором ты сообщаешь свой новый адрес и новую службу, при которой не будешь иметь удовольствия ходить в лес за дровами — это во-первых, будешь читать газеты — это во-вторых <...>

Полагаю, что в конце февраля сумею вырваться к вам, нагляжусь на вас хоть 3—4 дня. Что ж, на войне и это хорошо <...>

24 февраля мне исполняется 30 лет! Это не так много, но и не так мало.

1.2.43

С фронта приходят всё новые прекрасные новости. А ведь только еще 1 февраля. Еще минимум полтора зимних месяца осталось, и я уверен, что за это время произойдут еще немаловажные события. Все завоевания, сделанные немцами за лето 42 года, почти сведены на нет территориально, а потери их огромны. Сегодня по радио сообщили, что наши войска в Сталинграде взяли в плен генерал-фельдмаршала фон Паулюса и 16 генералов, среди них — 14 немецких и 2 румынских. Это — большое достижение. Вообще, Сталинградская операция — образец поистине классический полного окружения, истребления и пленения сильной группировки современных войск, да к тому же немецких! Рано еще думать, что все сделано, — немцы еще могут броситься на новые авантюры. Силы у них еще есть. Но эти силы надломлены, и есть все основания оптимистически смотреть в будущее. <...>

Скоро мне исполняется тридцать лет. Седые волосы появились не только на висках, но и на шевелюре, на «переднем крае», говоря по-военному.

С Е Т О В А Н И Е

Синяя птица моей судьбы,
Что загрустили вы?
Сели на пень на какой-то гнилой,
Перышки скрыли под серой полкой,
Стали какой-то ни доброй, ни злой,
Птица.

А раньше звенели вы вся, как свирель.
Вы раньше летали по дальним морям.
Что же вы сели, мадемуазель
(Или, быть может, простите, мадам?)
Птица.

Синяя птица моей судьбы,
 Птица моей мечты.
 Я называю вас нынче на вы,
 А называл ведь на ты —
 Тогда, когда ты летала орлом,
 И клекотала орлом,
 Когда ты махала синим крылом
 Напролом сквозь седой бурелом.
 Ты ведь летала в державе гроз,
 Нынче застряла, как старый воз,
 Со старушечьим личиком, мокрым от слез,
 Птица.

〈Февраль 1943〉

9.2.43

Только что получил твое письмо, писанное красными чернилами, а значит — из учреждения. Значит — ты в райцентре и даже занимаешься уже умственным трудом. Это, вероятно, хорошо 〈...〉

В связи с тем, что ты уже слушаешь радио и читаешь газеты, нет нужды писать тебе о делах на фронте. Дела эти весьма хороши. Все же нельзя терять головы и думать, что всему конец, что война закончится на днях или неделях. 〈...〉 Исходи из этого, а там, если события окажутся более благожелательны к нам, — тем лучше.

10.2.43

Насчет моего отпуска всё еще ничего неизвестно. Надеюсь всё еще, что сумею поехать к вам через некоторое время. Завтра надеваю золотые погоны, затем сфотографируюсь, и вы будете иметь возможность полюбоваться на офицера Казакевича Э. Г.

СЕСТРЕ, ГАЛИНЕ ГЕНРИХОВНЕ КАЗАКЕВИЧ, И ЕЕ МУЖУ

24.2.43

... В Москве я был целых семь дней! Вижу, как загораются ваши глаза. Повидал многих знакомых. Все они сильно отощали и облезли. Приятное исключение составляет Квитко.

Настроение у всех приподнятое. Люди сдуру считают, что конец войны — вопрос недель. 〈...〉

Я, где мог, ставил вопрос о том, чтобы меня перевели во фронтовую дивизию. Не знаю, удастся ли это. В Политуправлении Округа обещали свое содействие.

〈7 марта 1943〉

Только что приехал из командировки. Был в Шуче, видел полковника. Он, как и прежде, любит, почти влюблен в меня. Похвалил мой внешний вид в погонах — а похвала такого старого воюки чего-нибудь стоит! 〈...〉

То, что у вас имеется картошка и хлеб — это хорошо. Но 〈...〉 пьют ли дети молоко, бывает ли сахар, можно ли что-нибудь купить и сколько это все стоит? Все это меня интересует, хотя я и поэт, да к тому еще подпоручик.

Во время пребывания в Шуче Казакевич, по просьбе полковника Выдригана, написал для него рапорт на имя генерал-полковника Е. А. Щаденко с просьбой об отправке на фронт. Вскоре после этого Выдриган был назначен зам. командира 51 стрелковой дивизии. Приводим текст этого рапорта.

* Товарищ генерал-полковник!

Уже более года я, после тяжелого ранения, нахожусь в тылу в должности командира курсантского запасного полка. Трудно передать вам, как тяжело мне жить и работать в тылу в нынешнее время. Я знаю, конечно, что я делаю важное и нужное дело, готовя резервы фронту, но точно так же, как рыба рвется из аквариума в широкий речной простор, так и солдат рвется в бой, тем более солдат, участвовавший в трех войнах — империалистической, гражданской и Отечественной, — прошедший в рядах армии 28 лет своей 44-летней жизни.

Я оправился от ранения настолько, что способен вновь вести фронтовую жизнь.

На войне погибли оба мои сына — Александр и Николай — молодые командиры Красной Армии. Жажда мести, ненависть к немцам горит в груди.

Два рапорта с просьбой об отправке меня на фронт остались без последствий.

Дайте мне возможность, товарищ генерал-полковник, поехать на фронт. Нет слов, чтобы выразить меру моей благодарности к вам, если вы сочтете возможным удовлетворить эту мою горячую просьбу.

Полковник З. Выдриган

10.3.43. Гор. Шуя, Ивановской области.

ИЗ ДНЕВНИКА «САНТИМЕНТАЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ»

8.3.43. <...> Полковник написал письмо к Щаденко с просьбой послать его на фронт. Как хорошо бы поехать с ним.

13.3.43. <...> Получил письмо от В. Острогорской. Написал ей большое письмо. В этом письме я пишу: «Не хочу думать о продолжительности войны. А думать я хочу о том, что наступит весна и что главное — не терять хорошее расположение духа в любых условиях и помнить всегда о великом учителе жизни — г-не Панурге, друге достопочтенного Пантагрюэля, короля дипсодов, учившем нас не унывать, — родоначальнике Уленшпигелей, Куаньяров, Брюньонов — мастеров и воинов, философствующих страдальцев, хвастунов, любителей жизни и истины; страдать от того, что все проходит безвозвратно, и в этом же находить величайшее утешение, любить взахлеб, подавить в себе иудейско-христианскую единобожную мрачность, ведущую в ад, и дать расцвести многобожной, терпимой, веселой и все понимающей душе эллина».

14.3.43. Наши войска взяли Вязьму. О, эти места я помню! Никогда не забуду ландшафтов и мук Смоленщины. Вспомнился и 39 сп, и ополчение — Гурштейн, Винер, профессор-иранолог, Кириянов, Чернов, лейтенант Раевский, жизнь в отдельном отряде 32 армии, холодные рассветы в учебной бригаде Западного фронта, ночь перед первым боем и т. д. и т. п. Помню — мы отдыхали перед отправкой в бой на кирпичах разрушенного Вяземского вокзала.

21.3.43. <...> Перечитал еще раз гениальное «Восстание ангелов» А. Франса. Глубоко был тронут этой в четвертый раз прочитанной книгой. Читал главы из синклеровской эпопеи «Зубы дракона». Для моей великой книги — ценное пособие по изучению психологии и практики фашизма и вообще движущих сил современной истории.

Прочитал «Птиц» и «Лизистрату» Аристофана. «Птицы» великолепны. Парабаза восхитительна. Арии соловья, введенные для лирического интермеццо, поразительны и дают для понимания эллинского духа больше, чем томы исследований.

«ЧЕРЕЗ ОСВОБОЖДЕННЫЙ ГОРОД»

Рисунок Б. М. Неменского (итал. карандаш). Западный фронт (Вязьма), март 1943 г.
Центральный музей Вооруженных сил СССР, Москва

9.4.43

Мой милый друг! Вчера приехал ¹. Ехал я через Москву <...>

На земле — весна, весна и в Москве. И когда я подытоживаю мою поездку к вам, она неразрывно связывается в моем сознании с весной 43 года и с глубокой уверенностью в лучшем будущем. <...> аромата весенней Москвы этого года вместе со свежим воспоминанием о нашей встрече мне не забыть. <...>

Приехав, я узнал, что полковник Выдриган отозван из Шуи в Москву за новым назначением. Если его назначат командиром бригады или дивизии, он без сомнения сумеет меня забрать к себе. Увидим.

¹ Казакевич вернулся из 10-дневного отпуска, полученного им для поездки к семье в Башкирию.

24.4.43

Моя милая, в моей жизни, вероятно, предстоят некоторые существенные изменения. Я в свое время тебе об этом напишу, когда все выяснится. Теперь я только прошу тебя, чтобы ты обо мне не беспокоилась.

Я так сильно хочу с вами, любимые дети, увидаться, что убить меня невозможно. <...>

Тебе нужно купить картошку. Я отошлю сегодня письмо в Литфонд о ссуде, хотя думаю, что из этого ничего не получится. <...> продай свои часы. Ну их! Живы будем — я тебе куплю, моя милая, стенные часы в стиле ампир с кукушкой, будильник, карманные часы с цепочкой, ручные часы. Ручаюсь тебе! А теперь нужны не часы, а картошка.

У меня есть пара собственных валенок. Я попытаюсь их продать. Полагаю, что найдется и весной человек, желающий купить валенки на зиму. И, если сумею, загоню пару сапог и вышлю тебе деньги. <...>

Все будет хорошо. Береги детей. На деньги, которые я тебе вышлю, покупай им молоко.

1 мая 1943

Сегодня первое мая, погода пасмурная, но теплая. И думы мои — о тебе <...> и хотя война разлучила нас, но это не надолго. Еще годик — и мы увидимся и будем вместе <...>

Переписываю для тебя на память стихи Роберта Бернса, которые я бы тебе написал, не будь они написаны им.

В полях, под снегом и дождем,
Мой милый друг, мой бедный друг,
Тебя укрыл бы я плащом
От зимних вьюг, от зимних вьюг.

А если мука суждена
Тебе судьбой, тебе судьбой,
Готов я скорбь твою до дна
Делить с тобой, делить с тобой.

Пускай сойду я в мрачный дол,
Где ночь кругом, где тьма кругом,—
Во тьме я солнце бы нашел
С тобой вдвоем, с тобой вдвоем.

10.5.43

О моей дальнейшей судьбе я еще ничего определенного не знаю. Думаю, что вскоре поеду навстречу неизвестному. Но это не должно тебя волновать. Нам на роду написано быть вместе, и мы будем вместе. Поэтому ты должна присоединить свои молитвы к моим стараниям попасть на фронт в дивизию, формируемую моим полковником. Он делает все, чтобы меня забрать к себе. В мало знающих меня командирах это вызывает чувство удивления, изумления: почему полковник, имеющий возможность взять к себе майоров и капитанов — старых служак, опытных воинов, — хочет взять только лейтенанта, да еще не кадрового, да еще в очках! Они не знают, что даже в вопросах сугубо военных, тактических он очень считается с моим мнением. Вообще ход войны, вернее, моего военного существования, убеждает меня, что не стань я поэтом, я был бы военным. Но быть поэтом слишком большое, хотя и горькое счастье, чтоб я мог променять его на несладкое счастье быть солдатом. Но теперь последнее необходимо, и этой необходимости нужно подчиняться наилучшим образом. <...>

Меня отсюда не хотят отпускать. Делают это из соображений деловых — я работаю хорошо, и из дружеских — нечего, мол, ехать на фронт. Сиди здесь — чем тебе плохо? Но этим мне делают медвежью услугу. Все равно — на фронт нужно идти — да уж не придется воевать с командиром, который является моим другом.

11.5.43

Я сегодня послал тебе бандеролью замечательную новую книгу — переводы Маршака из английской поэзии. Почитай эти прекрасные

стихи — они тебе доставят огромное удовольствие, надеюсь. Женичке тоже — там много детских стихов, да и не детские так хороши и выразительны, что годятся для детей.

Вот и май проходит. Немецкая авантюра в Африке закончилась крахом, и англичане с американцами имеют свободные руки для решительного вторжения в Европу. Пожелаем, чтобы это вторжение совершилось поскорей и сняло с плеч нашего народа часть бремени. Нынешним летом будут решающие бои на нашем фронте.

З. А. ГУРЕВИЧУ¹

27.5.43

Да, я хочу уехать. <...> Что касается твоих опасений (или, вернее, удовлетворения), что комдив обо мне забудет, то они нереальны. Я вчера получил от него *телеграмму*: «Конце мая жди *нарочного*!» Видишь, он посылает ко мне с фронта нарочного, чтобы вручить мне документы и проводить меня!

Единственное «но»: ПУМВО и мое начальство. Но я, желая уехать, добьюсь своего. А в крайнем случае... Уехать на фронт — не преступление же, в самом деле! Война так война! <...>

Поздравляю тебя со званием старший сержант! Мне присвоено звание — лейтенант. Хочется тебя видеть хотя бы для того, чтобы поставить по стойке смирно!

¹ Муж сестры Казакевича.

1.6.43

Через четыре дня Женичке исполняется семь лет. Какая большая у нас дочь! Итак, это было восемь лет тому назад. Вспоминается Биробиджан, наше с тобой первое знакомство на летней солнечной улице — кажется, Октябрьская — так она называется — <...> и твоя неизменная нежность <...> и все нехорошее, что я, быть может, тебе сделал, и все хорошее, что, быть может, больше и сильней. И мечты, и страдания, и стихи <...> и вся эта яркая — ведь, правда, яркая? — жизнь, сотканная из деталей, незаметных и больших, из страстей мелких и великих.

Моя милая, подыдем бокал (пустой пусть будет — ведь вина нет) за наше будущее счастье, за наших дочерей, за их будущее, за то, чтобы они нашли себе мужей хотя бы не хуже, чем твой (хотя это, может быть, и нетрудно), и за то, чтобы в старости — если мы доживем до нее — нам не в чем было себя особенно упрекать и чтобы мы тогда вспоминали всю свою жизнь после 1943 года с таким же волнением и спокойной совестью, как вспоминаю я ее теперь.

22.6.43

Итак — спешу тебе сообщить новость, которая тебе, вероятно, не покажется очень приятной: я еду на фронт, в дивизию моего полковника, на должность помощника начальника разведывательного отдела штаба дивизии. Не знаю, будешь ли ты очарована этим громким титулом. Но, надеюсь, ты преисполнишься уважением к разносторонности своего мужа, который и до войны оказывался способным и к хозяйственной, и к административной, и — не буду скромным — к литературной деятельности, а теперь, став военным, оказался — по мнению крупного военного авторитета — способным к руководству войсковой разведкой целой дивизии.

Воздав себе этим должное, я, моя дорогая, хочу только, чтобы ты не беспокоилась за меня. Постараюсь остаться в живых, и обязательно!

Милая моя, не знаю, делаю ли я мудро с житейской точки зрения. Но таков я. Это сильнее меня и каких бы то ни было житейских соображений. Жажда деятельности, перемен, настоящей жизни, видимо, очень

сильна во мне. Та огромная энергия, которая до войны в Москве уходила на «Колумба», на «Моцарта» и т. п. и теперь не имеющая приложения, рвется из меня. Поэтому здесь дело не в отваге, не в удалстве, а в чем-то более глубоком.

Уезжая воевать, я прошу тебя сохранять спокойствие, любовь ко мне, уверенность в будущем. После войны я буду так же горд тобой, как ты, надеюсь, будешь иметь основание гордиться мной — не в силу моих гражданских доблестей, а в силу моей вечной молодости, которую я сумел — и сумею — сохранить.

Если мое это письмо покажется тебе чуточку торжественным — улыбнись... *〈Конец письма утрачен.〉*

З. П. Выдриган вспоминает: «Эммануил Казакевич не оставлял меня своей настоятельной просьбой — забрать его к себе на фронт. Откровенно говоря, мне жаль было его, но и себя тоже, так как я лишился искреннего друга и хорошего советника. Я знал, что законным путем не смогу забрать Казакевича на фронт.

Эмма написал мне, что он любыми путями должен уехать на фронт — в крайнем случае — через штрафную часть. Зная его, я боялся этого, потому что он пойдет и на такое преступление для исполнения задуманного».

З. П. Выдриган договорился с командиром дивизии и послал Казакевичу с сержантом письмо и удостоверение о том, что он назначается помощником начальника разведки 51 сд, наклеив на удостоверение имевшуюся у него фотокарточку Казакевича.

* В Ы П И С К А

ИЗ ПРИКАЗА ЧАСТЯМ 51 СРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ (по личному составу)

18 июня 1943 г., № 018, д. Сулихово

Прибывший из 4 запасной стрелковой бригады младший лейтенант Казакевич Эммануил Генрихович допускается к исполнению должности помощника начальника 2 отделения штаба 51 стрелковой дивизии.

Командир 51 сд
полковник Т е л к о в

Начальник штаба
подполковник Б о р я к о в

Верно: Начальник 4 отделения
интендант 2 ранга П и с к у н о в

Получив этот документ, Казакевич написал письма начальникам своим и друзьям, отдал их, вместе со своими валенками, квартирной хозяйке, попросил ее вручить письма адресатам только на следующее утро и в ночь на 26 июня ушел на станцию. Так как форменного воинского требования на проезд по железной дороге у него не было, в кассе Казакевичу не выдавали билета. Тогда он предъявил свой членский билет Союза писателей и сказал, что едет на съезд военных писателей. Из уважения к писательской профессии ему билет продали, и в ту же ночь Казакевич уехал в Действующую армию.

25.06.43

Младшего лейтенанта
Казакевича Э. Г.

Командиру 4 КЗСВ
Генерал-майору А. Антипа

Товарищ генерал-майор!

В июле 1941 года я ушел на фронт добровольцем. С декабря 1941 года сижу я в тылу. Все последнее время я прошу отправить меня на фронт, много раз просил старших начальников помочь мне в этом деле. К сожалению, мне не помогли.

Теперь я уезжаю на фронт, зачисленный в 51 стрелковую дивизию на должность помощника начальника 2 отделения штаба дивизии (выписку из приказа по дивизии прилагаю).

Не сердитесь на меня, товарищ генерал, за мой внезапный отъезд. Надеюсь, что вы простите мне это, и уверен, что вы еще услышите обо мне как о боевом командире.

Эм. К а з а к е в и ч

НАЧАЛЬНИКУ ПОЛИТОТДЕЛА МАЙОРУ т. ПАКИНУ

25.6.43

Товарищ майор!

Прощаясь с Владимиром, с бригадой, я прежде всего думаю о том, как вы посмотрите на мой отъезд. Мне было бы очень больно, если бы вы стали меня осуждать.

Я еду на фронт работать в разведке штаба дивизии. Я уверен в себе, в своих силах, а главное — в своей стойкости и стремлении стать настоящим боевым командиром.

Что ж, я знаю, что бригада многое мне дала в смысле воинского воспитания. Здесь вступил я в партию, и вы вручали мне партийный документ и дали мне лестную боевую характеристику.

Я вам благодарен за это. Благодарен я вам также за хорошее отношение ко мне.

Желание, горячее и непреодолимое, быть на фронте, активно бороться в рядах фронтовиков за наше дело — желание, о котором я вам много раз говорил, — вот причина моего внезапного отъезда.

С точки зрения житейской мне здесь жилось прекрасно. Но у меня с немцами большие счеты — я коммунист, командир, писатель. Пора мне начать эти счеты сводить.

Думаю и уверен, что вам, товарищ майор, не придется краснеть за своего воспитанника, которому вы вручали кандидатскую карточку ВКП(б).

Я уже давно мог уехать, но меня останавливало чувство долга: я не мог оставить редакцию в составе двух человек. Теперь в редакции прибавился квалифицированный журналист т. Виноградов, а т. Захаров, принятый в ВКП(б), может с успехом меня заменить.

Не поминайте лихом, тов. майор.

Надеюсь — мы еще увидимся за стаканом вина в час победы.

С приветом Эм. К а з а к е в и ч

МАЙОРУ тов. ИСАЕВУ

25.6.43

Тов. майор!

Пишу я вам перед отъездом не как секретарю парткомиссии, а как старшему товарищу-коммунисту, который меня хорошо знает и которого я уважаю.

Я еду в дивизию т. Выдригана. Я мог так уехать уже давно, но я надеялся, что мои московские знакомые — военные и писатели — сумеют меня отозвать. Я надеялся также на основании бесед с майором Пакиным и Ждановым, что наша бригада поедет на фронт в своем нынешнем составе — а это было бы, может быть, идеальным выходом.

Но я теперь потерял надежду на это. И я еду на фронт, зачисленный помощником начальника 2 отдела (отдел разведки) штаба дивизии. Голова у меня работает, к тому же я владею немецким языком и надеюсь, что буду делать свое дело хорошо.

Будьте здоровы, тов. майор. Передайте мои лучшие пожелания тт. Литвинову, Спидченко, Емелину, Логинову, Ире, Пашко, Вере и другим друзьям и товарищам.

Тыловая жизнь, легкая для тела и тяжелая для души, — на этом кончается.

Ваш Эм. К а з а к е в и ч

СТ. ЛЕЙТЕНАНТУ ПУТРИКУ

25.06.43

Друг Путрик!

Я уехал на фронт, зачисленный в 51 стрелковую дивизию в качестве помощника начальника 2 отделения штаба дивизии. На войне — так на войне!

Передай дружеский привет Жуку, Юденко, майору Артамкину, майору Кольцову, Фомину, Садыкову, капитану Пашкевичу и всем другим штабным, друзьям, а также Брыскину и Сергееву, которым я написал бы отдельно, будь они здесь.

Мой отъезд, возможно, вызовет чей-нибудь гнев. Нужно этот гнев умерять. Надеюсь на друзей.

Будь здоров.

Эм. К а з а к е в и ч

РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «БОЕВЫЕ РЕЗЕРВЫ»,

СТ. ЛЕЙТЕНАНТУ Т. В. ИЗМАЛКОВУ

25.6.43

Друг Измалков!

Когда ты будешь читать это письмо, я буду уже приближаться к фронту — к предмету моих мечтаний на протяжении последнего года.

Думаю, что ты поймешь меня. Я просто понял, что волей судьбы я другим путем на фронт не попаду. Когда я был в Москве, я просил помочь мне <у>ехать на фронт. Просил я и у Портнова, и у Косолапова, и у майора Чмыхова, и полковника Стрельникова. Некоторые из них воспринимали мою просьбу дружественно, но не подавая никаких надежд, некоторые просто говорили, что это невозможно. Мои влиятельные знакомые в Москве много раз обещали мне помочь, но все эти обещания кончались ничем.

Об этом же я говорил не раз с майором Пакиным и с майором Ждановым. Оба говорили, что мы вскорости поедем на фронт всей бригадой. Это говорили в прошлом году, это же говорили в этом году.

Между тем я хочу, искренне хочу быть на фронте. Это не поза «удальца» или голые слова хвастуна. Это — вопрос моего горячего желания и, если хочешь, дальнейшей литературной жизни. Поэтому я, зачисленный в штаты 51 сд Действующей армии, отправляюсь в путь-дорогу.

Тебе прекрасно известно, что жилось мне во Владимире превосходно, что работал я неплохо. И ты, и майор Пакин ценили меня. Я ухожу не от плохой жизни к хорошей. Я хочу воевать, раз уж война на свете, да еще такая.

Не поминай меня лихом и прости, что я это делаю таким образом. Я хочу ехать на фронт и приносить делу победы максимальную пользу. А другого пути не вижу.

Друж. Измаков!

Когда ты будешь получать это письмо, я
буду уже приближаться к фронту —
к переднему краю моих мечтаний на прощанье
последнего года.

Думаю, что ты поймешь меня. Я проси-
ношу, что если судьба и дружи путем
на фронт не попаду. Когда я был в
Москве, я просил помощи мне среди
на фронте. Просил я и у Тарасова
и у Косоланова, и у лейтенанта Глыбокова
и капитана Гривникова. Некоторые
из них воспринимали мою просьбу
дружески, но не давали никаких
надежд, некоторые только говорили, что
это невозможно. Мои венгерские
знакомые в Москве много раз
обещали мне помочь, но все это

ПИСЬМО Э. Г. КАЗАКЕВИЧА РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «БОЕВЫЕ РЕЗЕРВЫ»
Т. В. ИЗМАКОВУ

Автограф. Владимир, 25 июня 1943 г.

Первая страница

Собрание Г. О. Казакевич, Москва

Прошу тебя — передай генералу выписку из приказа по 51 сд и
письма, которые я прилагаю.

Буду жив — увидимся.

г. Владимир

Эм. Казакевич

Р. С. Когда прибыла телеграмма о съезде, я надеялся, что, поехав
в Москву, сумею договориться там о том, чтобы меня отозвали. К сожа-
лению, это не получилось.

Т(ихон) В(ладимирович). Дай прочесть этот прощальный стих моим
товарищам.

ПРОЩАНИЕ

Моим владимирским друзьям посвящаю

Такая тишина! Как будто вымер
Весь город вдруг — такая тишина.
И только светит вечная луна
На древние валы твои, Владимир.

Пространство от оврагов до реки
Заполнено сказаньями седыми.
Вот на валах — дружины и полки,
Хоругви княжьи светятся над ними.

Проливший в битвах праведную кровь,
Став знаменит от Понта до Китая,
Сожженный трижды и возникший вновь,
Ты — предо мной. И я стою, мечтая,

И, глядя вдаль, прощаюсь я с тобой.
Ты прогремел во мраке лихолетий.
Восстав из пепла в первый раз и в третий,
Ты так же юн. Будь горд своей судьбой.

Я тоже буду юн — пусть седина,
Но в бурях жизни мощь моя окрепла.
Итак — в огонь! Восстану я из пепла,
В сказаньях жить твоих, моя страна.

26.6.43

Квартирная хозяйка, не выдержав напора своего любопытства, тут же ночью отнесла письма Т. В. Измалкову. Тот, прочитав их, сразу же сообщил в СМЕРШ (отдел контрразведки) о беглеце. Вскоре по вагонам поезда, в котором уехал Казакевич, прошел патруль в поисках человека, севшего на станции Владимир. Только случайность помогла Казакевичу не быть обнаруженным и продолжить свой путь. Одновременно Измалков отправил донесение начальнику политотдела 4 запасной стрелковой бригады.

<26.06.43>

Редактор газеты
ст. лейтенант И з м а л к о в Т.

Начальнику политотдела
майору т. П а к и н у

ДОНЕСЕНИЕ

Доношу, что литработник редакции, младший лейтенант Казакевич Э. Г. в ночь на 26 июня самовольно выехал в 51 сд (д. Сулихово). Как теперь стало известно, Казакевич имел заранее оформленные документы на должность помощника начальника 2 отделения штаба 51 сд. Эти документы вместе с выпиской из приказа частям 51 сд (№ 018) ему были доставлены красноармейцем этой дивизии (фамилия его неизвестна)¹.

В последние два месяца после отъезда полковника Выдригана Казакевич много говорил о выезде на фронт, прикрываясь в таких случаях своим «патриотизмом».

К работе в редакции относился недобросовестно, моих поручений часто не выполнял.

О выезде Казакевича мною сообщено этапному коменданту ст. Владимир, а также отделу контрразведки СМЕРШ в 4.00 26 июня 1943 г.

И з м а л к о в

Уиџ, и майор Такав ^{дети} крајем мена.
Јунону не ах ^{дети} к хорошеду.
Јаког бабага ^{дети} радост война на
свеје, до еще такав.

Не покидай меня михом и
краси, что в это время таким
образом. Я хочу ехать по дорожке
и прикасаюсь делу поверь махмудов-
ну по полку. А другого пути не вижу.

Крому дедз - передай генералу
выписку из приказов по 57 с.р.
и письма, которые в Кулагато.

Буду нем-увидишся.

25.06.43

г. Владимир

Э. Кадышев

См. на обороте

ПИСЬМО Э. Г. КАЗАКЕВИЧА РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «БОЕВЫЕ РЕЗЕРВЫ»
Т. В. ИЗМАЛКОВУ

Автограф. Владимир, 25 июня 1943 г.

Третья страница

Собрание Г. О. Казакевич, Москва

Приложение: Письма Казакевича на имя командира бригады генерал-майора т. Антипа, тт. Пакина, Исаева, Путрика, мне, выписка из приказа по 51 сд и стихотворение «Прощальное».

¹ Документы из Действующей армии Казакевичу привез сержант И. Шмураков. Узнав об отъезде Казакевича, Шмуракова задержали, посадили на гауптвахту, спрашивали, что было в пакете. Но он действительно не знал этого, и его отпустили. Когда он вернулся в 51 сд, Казакевич был уже там.

Полевая почта 02392

30.6.43

Как видишь, — у меня новый адрес. Я прибыл на свое новое место и новую должность три дня тому назад. Прошу тебя не беспокоиться обо мне — все будет в полном порядке. С нового места шлю тебе, милая моя, лучшие пожелания. Подробно обо всем я напишу тебе в письме.

Привет от полковника. Пиши много, прошу тебя.

НКО СССР
Политотдел <21> армии
10 июля 1943 г.
№ 10/07

ПРЕДПИСАНИЕ
Младшему лейтенанту Казакевичу
Эммануилу Генриховичу

Предлагаю Вам 10 июля 1943 г. убыть в распоряжение начальника отдела кадров Московского Военного Округа полковника тов. Меднова. Срок прибытия к месту службы 12 июля 1943 г.

Пакет за № 0293 выдан на руки тов. Казакевичу.

О с н о в а н и е: Распоряжение гвардии полковника тов. Столярова. На проезд по железной дороге выдано требование по форме № 1-АК-805507

Зам. нач. политотдела <21> армии полковник Б е л я е в

Уже находясь в Действующей армии, Казакевич получил это предписание. Доносение о его «побеге» стало предметом расследования. 11 июля Казакевич выехал в Москву.

<Москва> 12.7.43

Пока не пиши мне, жди письма. Я опять переменил адрес и еще не знаю, куда меня пошлют. Жду в Москве решения этого вопроса.

В Москве Казакевич 13 июля 1943 г. явился в отдел кадров МВО и сдал имевшийся у него на руках пакет. С вполне понятной тревогой ждал он решения своего дела.

В этот же день ему вручили предписание отправиться в ту воинскую часть, откуда он уехал на фронт; ему был выдан также проездной документ по маршруту: Москва — Владимир.

НКО СССР
Политическое управление
Московского Военного Округа
13 июля 1943 г.
№ 4046

Начальнику политотдела
4 запасной стрелковой бригады
майору тов. П а к и н у

Направляется в ваше распоряжение младший лейтенант Казакевич Эммануил Генрихович.

К месту назначения отбыть 13 июля 1943 г. Маршрут: Москва — Владимир.

На руки выдан секретный пакет.

Зам. начальника отдела кадров ПУ МВО
подполковник И в а н о в

*НКО СССР
Политическое управление
Московского Военного Округа
13 июля 1943 г.
№ 4046

Начальнику политотдела
4 запасной стрелковой бригады
майору тов. П а к и н у

Направляю в ваше распоряжение младшего лейтенанта Казакевича. Вопрос о нем разберите в партийном и служебном порядке.

О прибытии и решении вопроса донесите в Политуправление МВО.

Зам. начальника отдела кадров ПУМВО
подполковник И в а н о в

Получив предписание и пакет, Казакевич с тяжелым сердцем вышел из кабинета.

В коридоре Казакевич увидел З. П. Выдригана, приехавшего в Москву оформлять свой перевод на должность зам. командира 174 стрелковой дивизии. Вдвоем они пошли в Главное управление кадров Красной Армии. Там состоялся разговор с заместителем начальника ГУКа генерал-лейтенантом Н. Е. Свиридовым, который разрешил Казакевичу поехать вместе с Выдриганом в 174 сд.

Полевая почта 02392. 14 июля 43 г.

Вернулся из Москвы из командировки <...>

Начались великие сражения, решающие сражения этой войны. Обо мне не волнуйся. Немец должен в основном кончиться в этом году.

16.7.43. Действующая армия

Любимая моя, пишу тебе наспех — нет времени. Из Владимира меня не отпускали, и я уехал сам, получив соответствующие документы из Действующей армии. На днях я был с полковником в Москве, в НКО СССР, и мой отъезд на фронт был санкционирован. Галечка, я очень доволен своим переездом на фронт.

Наша армия очень изменилась с начала войны. Это теперь прекрасная армия, идеальная: бойцы не думают больше, как правило, о смерти, они думают только о победе. *<Письмо написано карандашом, наспех, на каком-то бланке.>*

20.7.43

Пишу вам с фронта. Сажу в роще на зеленой травке и думаю о вас, мои милые. Я себя чувствую хорошо, представлен к правительственной награде. Единственная моя тревога — о вас. Я ведь все время в переездах — уже почти месяц — и все время не получал ни одного письма. Пишите мне, мои любимые. <...>

Дела на фронте поистине хорошие. Бойцы в нашей дивизии замечательные, командиры — тоже. Поговаривают о том, что дивизия наша станет гвардейской. Немцев и их союзников бьют всюду. Конечно, это еще не конец, но перспективы все более для нас проясняются.

Здесь в лесах, где мы воюем, много земляники и малины. Вот бы детей сюда! <...>

Как я хотел бы видеть вас всех счастливыми на тот небольшой период времени — двадцать-тридцать лет, что нам осталось жить. Надеюсь, что так оно и будет.

25.7.43

Живу я для этих условий превосходно, сплю в машине. Мой ординарец — хороший парень, сорока лет, с медалью «За отвагу», он следит за моим бытом с большим старанием, и я не испытываю ни в чем нужды. Кроме писем от тебя. В этом, милая, я испытываю настоящую нужду, и ординарец тут не в силах мне помочь.

Неожиданно я назначен переводчиком, но командир дивизии забирает меня своим адъютантом. Это для меня интересней, потому что я сумею больше видеть и даже влиять на события. А при моей активной натуре последнее имеет значение.

О здешних делах я тебе писать не могу, могу лишь сказать, что дела хорошие, настроение у солдат превосходное, и немцу путь в могилу обеспечен. Это лишь вопрос времени. Правда, этот вопрос имеет немалое значение, конечно.

27.7.43

Галечка, душа моя! Я назначен адъютантом командира дивизии. Живу я в крытой машине, сплю в ней на скамейке, на ночь даже раздеваюсь. В машине горит керосиновая лампа. К моим услугам легковая машина и превосходная верховая лошадь. При мне два ординарца-автоматчика. Как видишь — живу я, как в книжке Александра Дюма. А если тут дерутся не шпагами, то, пока снаряды минуют тебя, жить можно.

Вчера был радостный день: итальянский шакал Муссолини ушел в отставку. Хрен с ним! Италия выходит из войны. Одним врагом меньше — это хорошо. А у нас сил достаточно, чтобы вышибить из немца дух. Только бы это скорее было.

Милая Галечка, вижу тебя и детей, думаю о вас и — что бы там ни было — мы должны встретиться и вместе доживать свой век.

Я думаю о своем военном пути. Всё у меня не так, как у других. И всё интересно. Я иду особым путем не из любви к оригинальности, а просто так получается. Чёрт его знает, что я за человек! Я часто сам себя не пойму. Вероятно, ты знаешь меня лучше, чем я себя. Подробно обо всем я тебе расскажу, когда мы увидимся. Целую тебя, моего друга и жену.

Между тем «Дело о побеге» идет следом за Казакевичем.

ТЕЛЕГРАММА КОМАНДИРУ 174 СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ

30 июля 1943 г.

Казакевича Эммануила Генриховича откомандируйте Отдел кадров армии. Начальник 1 отделения майор Б а т ю ц к о в

Действующая армия, 3.8.43

Здесь стало довольно жарко, особенно в воздухе. Но пока все идет хорошо, и, надеюсь, так оно пойдет и дальше. Я уже писал тебе, что вначале был назначен переводчиком, а затем комдив забрал меня своим адъютантом. Работа шумная, но интересная. Может быть — потому интересная, что шумная. <...>

Муссолини пал, Италия накануне выхода из войны, немецкое наступление на нашем фронте с треском провалилось, союзники всё более активизируются. Перспективы отрадны. Час нашей встречи приближается.

Дорогие детки Женичка и Ляличка. Если бы вы знали, как я хочу вас видеть. Я много думаю о вас, мои большие девочки. Вы, наверно, хорошо пишете, читаете и рисуете. Когда разобьем Гитлера, мы опять будем вместе, мы будем вместе много читать, писать и рисовать. А мама, вторая мама и бабушка будут нас похваливать за то, что мы такие хорошие ребята.

10.8.43

Уже несколько дней, как мы в сравнительно спокойных условиях, 4 км от немцев. Это — затишье для накапливания сил к удару. Он будет нанесен в надлежащий момент.

Так или иначе — я в избе. Изба — без хозяев. Только две кошки здесь остались в качестве представителей. Обстановка, примерно, такая, как в фильме «Чапаев», когда Василий Иванович поет песню о Ермаке, — тут в роли В. И. Чапаева я, по вечерам затягивающий эту песню. Мне подтягивают остальные офицеры и бойцы, находящиеся в избе, в печке горит огонь, часовой у двери время от времени кричит: «Кто идет?» и т. д. Такова картина.

В непрерывном наступлении не было времени для размышлений ни о будущем, ни о прошлом, ни о чем. Огромное нервное напряжение исключало всякую мысль о посторонних вещах.

Теперь, в дни скоротечной передышки, думается и о прошлом, и о будущем, и о вас, мои дети, — обо всем, чем полна душа в обычное время. И тогда овладевает тоска, хочется уж лучше скорей наступать, каких бы сил это ни стоило. Потому что великая бездомность миллионов людей, именуемая войной, надоедает даже такому любителю сильных ощущений, как я, — надоедает она, впрочем, не опасностью и риском, а именно этой бездомностью своей.

Но теперь не так уж далеко до конца. А уж пора — время мое пришло писать.

ПЛЕННЫЕ НЕМЦЫ

Рисунки Н. М. Аввакумова (карандаш). Минск, июль 1944 г.

Собрание Г. Д. Аввакумовой, Москва

13.8.43

Сегодня — мой счастливый день, несмотря на то, что тринадцать — чёртова дюжина. Ночью, приехав в новое расположение (новое, ведь мы всё движемся вперед), я получил твое первое письмо. Вполне понимаю твое недоумение по поводу перемен адресов и некоторой сумятицы, которая не могла не проскользнуть в моих многочисленных письмах. Но теперь положение стало устойчивым. Адрес мой нынешний, вероятно, надолго — насколько это можно предусмотреть в условиях фронта.

Теперь раннее утро, в лесу — нашем большом зеленом доме — свежо. Первыми просыпаются пушки, а птицы — уже позднее. С большой нежностью вспоминаю я о тебе, моя дорогая, и о Женичке — свете моих очей, и о Ляличке — биении моего сердца.

О своей жизни я тебе уже писал. Я доволен переменой в моей жизни и — главное — переменами вообще. Ты ведь знаешь, что я непостоянен в житейских делах, и перемены внешние ныне заменяют мне перемены внутренние — от моего романа в стихах к «Колумбу», от «Колумба» к «Модарту» и т. д. Единственное, в чем я постоянен, — это в моей нежности к вам, мои дорогие. *⟨Далее, наспех, крупными неровными буквами:⟩* Закругляюсь. Уезжаю. Напишу, как только освобожусь. Пиши.

СЕСТРЕ

15 августа 43 г.

Штарм пытался несколько раз забрать меня к себе — то переводчиком, то начальником отдела наград (!), но я отбрыкался при помощи начальства — ведь там далеко от жизни и вообще скучно. *⟨...⟩* Штадив просит моего командира отдать меня на должность помощника *⟨начальника⟩* отдела разведки. Вероятно, в конце концов я сумею уйти на эту в высшей степени интересную работу.

〈Вторая половина августа 1943 г.〉

〈Начало утрачено.〉 Милые мои, дела на фронте, как вам известно, хороши. Но ни в коем случае нельзя на этом основании сделать вывод о том, что войне конец. К сожалению, это не так и вам (как и нашему брату) нужно запастись *большим* терпением, девочки, и как путник не должен думать об остающихся впереди километрах, иначе ему будет трудней дойти, так и вам не следует думать о сроках пока еще неблизкого пути. Нужно идти, неся свой крест гордо и даже не без веселости.

Как вам выразить всю меру моей нежности к вам? Будем твердо надеяться, что увидимся, и тогда, может быть, и не найдем слов, но они и не нужны будут.

Пишите мне часто. Здесь письма имеют особую силу и, во-первых, являются единственным родом литературы, который читаешь с удовольствием, и, во-вторых, единственным объектом лирических размышлений. <...〉

Заклеиваю письмо. Завтра оно будет отправлено на полевую почту — в соседнюю рощу — и отправится к вам.

13.8.43

Милый друг, Галечка!

Получил от тебя одно письмо и опять ничего не получаю. А здесь более чем где-либо необходимо получать письма. В этих дождях, в постоянном движении вперед, в гуле и грохоте и постоянной неизвестности насчет завтрашнего дня каждое письмо действует буквально, как бальзам.

Настроение у меня исключительно хорошее. Я ни минуты не жалею о том, что покинул уютную городскую жизнь во Владимире, сменив ее на полную неожиданностей неустроенную жизнь фронта. Как губка, впитываю я в себя все, что вижу и слышу, и настанет такой день — верю, что он настанет, — когда все это выльется в великую книгу. Дай бог сил и жизни.

19.8.43

Пишу наспех — вся жизнь идет наспех, лихорадочно.

Целую тебя и детей, о которых напиши мне скорей, опиши их разговоры, беседы. Чёрт побери, ведь Женичка с 1 сентября пойдет в школу! Как я хочу их видеть — трудно тебе передать.

21.8.43

Милая моя Галечка, получил от тебя второе письмо. Рад был необычайно. <...〉

Сегодня хороший солнечный день, мы никуда не движемся, я сижу в роще у только что сбитого из деревьев столика на немецком ящике из-под мин. Только что приехал из немецкой обороны, прорванной на днях нашими войсками. Оборона была крепкая, построенная всерьез, полная разных ловушек, на очень выгодной местности. Теперь она разворочена нашими снарядами и авиабомбами, полна убитых немцев, разбитых ящиков, рассыпанных патронов, разбросанных писем, книг, фотографий и проч. Наши войска уже впереди.

Все же нужно терпение, Галечка. Победа, полная победа еще не так близко, как это кажется издали. Немец еще силен и упорен. Чужая гибель, он огрызается во сто крат сильнее, и его еще так просто не возьмешь. Я руковожу дивизионной разведкой¹, и мне положение ясней, чем кому-либо другому. Верно, немцы уже не те. В плену они хнычут и плачут, говорят, что Германия войну проиграла (это они, впрочем, говорят искренне) — но в бою они всё еще упорны и дисциплина у них всё еще

сильная. Крах наступит после двух-трех таких уничтожающих ударов, как под Сталинградом.

¹ Приказом командира 174 сд № 0133 от 11 сентября 1943 г. Казакевич был назначен помощником начальника 2 (разведывательного) отделения штаба дивизии. Как видно из настоящего письма, к исполнению этих обязанностей он приступил еще в августе.

27.8.43

Стоит прекрасная августовская погода, так превосходно описанная Пушкиным. Солдатское солнце 1943 года греет наши спины и души, настроение хорошее, уверенное, работы много, и только иногда по вечерам откроешь планшетку и нежно взглянешь на вашу фотографию — на умное и вдумчивое лицо Женички, на прекрасные Ляличкины глаза и на тебя, моя дорогая. <...>

В воздухе и на земле шумно.

Женичка через три дня неужели пойдет в школу? Невероятно!

<Август 1943>

<На обрывке бумаги, карандашом.> Жив и здоров. Мы идем вперед неустанно, не досыпая или — точнее — без сна и отдыха.

1.9.43

Здесь жарко, очень жарко. Но в самые трудные минуты я не теряю присутствия духа и хорошего настроения и, истинно говорю тебе, у меня этому учатся многие.

Взяв один довольно известный город, о котором гремел салют в Москве¹, мы пошли дальше. Немец бежит, но огрызается сильно, особенно с воздуха.

¹ Имеется в виду г. Ельня, освобожденный 30 августа 1943 г.

7.9.43

Тут очень жарко. Подробно описывать не буду — все понятно само собой.

Времени нет, пишу тебе наскоро. Жив, здоров. Не всегда легко, но я не теряю хорошего настроения. Пиши часто.

СЕСТРЕ

7.9.43

Получил на днях от вас письмо, но ответить не имел возможности — я в настоящем пекле.

СЕСТРЕ

8.9.43

Сегодня — неожиданная радость: мне переслали несколько писем из моей бывшей части. А я уж давно отвык получать письма: в наступлении почта работает хуже, письма идут, а мы — от них.

Я жив и здоров, хотя сплю мало, как и все мы, а работы много — я ведь не редакционный муж, а военный человек.

Теперь время 3.15. Только что кончил дела. Мы в избе, хозяев нет, только по-хозяйски, как полномочный представитель отсутствующих хозяев, ходит рыжая кошка. На сундуке, на полатах спит опергруппа, за дверью часовой, недалеко гудят разрывы немецких снарядов и мин, я только что кончил диктовать боевой приказ.

Я, как и прежде, ваш брат и друг, хоть и с прибылью — с медалью «За отвагу» и с представлением к ордену «Красной Звезды».

По воспоминаниям командира 174 сд, полковника Горелика об этих днях передышки, в районе Озеренска наступление было приостановлено. За дни боев солдаты порядочно устали, и затишье было использовано для отдыха. Казакевич (бывший тогда адъютантом командира дивизии) подобрал четырех разведчиков и в течение двух дней и ночей

изучал противника. И вот, посреди бела дня, притащил на НП пленного немца в шесть пудов весом, который дал очень нужные сведения. Не было поддержки артиллерии — все было сделано тихо. Действуя смело и хитро, взяли пленного без потерь. От награды Казакевич отказался, мотивируя тем, что он не разведчик, что в дивизии он еще молодой и вообще ничего такого особенного не сделал. Он был награжден медалью «За отвагу».

* ИЗ НАГРАДНОГО ЛИСТА

10.9.43 г. разведгруппа 508 сп получила приказ произвести ночной поиск и взять пленного. Поиск оказался неудачным. Приказ не был выполнен. Тогда пом. начальника разведотделения лейтенант Казакевич, проявив отвагу и настойчивость, приказал произвести дневной поиск, взяв на себя ответственность за все последствия поиска в дневное время. Он возглавил разведгруппу, организовал поддержку минометов и пулеметов, повел разведчиков на передний край.

Установив, что из одной траншеи противника ночью был взят язык соседней частью, лейтенант Казакевич пришел к выводу, что противник в этой траншее всю ночь бодрствовал и к утру, очевидно, отдыхает. В этой траншее он и решил организовать поиск, проявив, таким образом, находчивость и предусмотрительность.

В результате приказа был выполнен: среди бела дня был захвачен в плен вместе с оружием немецкий унтер-офицер, член нацистской партии, награжденный Железным крестом, Альберт К. давший ценные сведения о противнике.

За проявленную отвагу и взятие в плен немецкого унтер-офицера тов. Казакевич достоин награждения медалью «За отвагу».

Нач. 4 отделения штаба дивизии майор Семеренко

Командир 174 сд полковник Горелик

30 сентября 1943 г.

СЕСТРЕ

11.9.43

У нас стало тише. А буря была такая, что часто казалось, что утлый челн моей человеческой жизни идет на дно. <...> Я работаю помощником начальника разведотдела. Работа интересная и — если заниматься ею по-настоящему — сложная.

Выход Италии из войны произвел на всех нас отрадное впечатление. Вчера мы по радио на переднем крае сообщили это немцам по-немецки. Вероятно, их это поразило — они перестали стрелять и прослушали всю передачу в торжественном молчании, как на похоронах. На юге наши войска двигаются чудесно — это какой-то триумфальный марш. У нас дело идет гораздо труднее (это там приблизительно, где я был в начале войны)¹. Напротив нас — эсэсовцы, дерутся они ожесточенно, но мы движемся вперед.

¹ Смоленская область.

23.9.43

<На обрывке бумаги, карандашом.> Милая, я жив и здоров. На днях сумею, надеюсь, написать подробное письмо. Пишу наспех.

25.9.43

Я теперь редко пишу тебе. Мы идем по пятам уходящих немцев, временами вспыхивают жаркие бои, но мы идем вперед. Победы даются трудно — я много ночей не спал. Теперь я (впервые за много дней) сижу в доме! Да, я в избе, в деревне, которая сегодня освобождена. Жители встречают поистине с ликованием. В народе, в его большинстве, — ненависть и презрение к врагу.

Милые мои девочки, целую вас всех.

29.9.43

Я подозреваю, что ты беспокоишься обо мне. Ты привыкла, что я пишу тебе часто. Но в последнее время я не мог тебе писать — мы в непрерывном движении вперед — с боями, в условиях тяжелых, когда каждую минуту хочется писать завещание.

Но все эти тяготы, все необычайное напряжение нервов и сил бледнеют перед чувством глубокого удовлетворения. Жители встречают нас, как дорогих гостей. «Родина пришла», — сказал мне старик, встречая меня (я ездил верхом) у своего двора. Женщины выносят на крыльцо молоко, варят картошку, ухаживают за ранеными. Поистине великая радость у людей, у детей, у всех.

Дорогие мои, я вспоминаю о вас при виде несчастных женщин и детей, бредущих без крова по опаленным дорогам, и мое сердце сжимается от нежности и жалости — к вам и ко всем.

Дела идут хорошо. Немец, огрызаясь, плюясь огнем, отходит, иногда бежит к своей гибели.

1.10.43

Милая моя, спешу — после долгого перерыва появился почтальон. Вкратце: я жив и здоров, я помню о вас всегда, я, вместе с нашими войсками, иду на запад и, несмотря на огневой ад, гоню немца. Вот и всё.

*П Р И К А З

76 СЕД 21 АРМИИ (ПО ЛИЧНОМУ СОСТАВУ)

5 октября 43 г. № 087. Действующая армия

... 2. Прибывший из отдела кадров 21 армии бывший пом. начальника 2 отделения 174 стрелковой дивизии лейтенант Казакевич Э. Г. допускается к исполнению должности пом. начальника 1 отделения штаба дивизии.

8.10.43

С теплым трепетом вспоминаю я о тебе. Сегодня ты мне снилась — может быть, в первый раз — ты ведь знаешь, что я редко вижу сны, не то, что ты.

Работы очень много. Не помню, писал ли я тебе, что я работаю на большой работе в большом штабе. Это с недавнего времени. <...> Я крепко надеюсь на то, что мы увидимся — ну, не очень скоро, как многие думают, но и не очень нескоро. Поверь мне, что какие перевероты ни наступят в этом странном мире — я о вас не забуду — потому что, если подумать, то ты мне была, насколько известно мне, хорошей женой и — это мне известно — хорошей подругой, почти безропотно сносившей мои капризы и тяжелую жизнь жены талантливого человека, каким я, вероятно, все же являюсь.

Женичку и Ляличку я целую крепко, как и тебя. Я последнее время, кажется, редко пишу тебе, но вот уже несколько дней у нас не так шумно. Не волнуйся, не получая писем. Верь в мою звезду. Авось она не обманет.

14.10.43

У меня всё в порядке. Это называется оперативной паузой, когда вокруг — сравнительное спокойствие. Конечно, это то спокойствие! <...> Пишите часто — дети в том числе.

СЕСТРЕ

20.10.43

Уже месяц с лишним, как я не получал ни строчки, как будто все решило предоставить меня всего целиком войне и не отвлекать такими глу-

постями, как любовь, дружба, родственные чувства и проч., дабы я мог на 100% выполнить свой воинский долг. Последний я выполняю по мере своих сил, но, грешным делом, хочется узнать, что с вами, как вы живете, что делают, как живут мои родные люди. <...>

Написал я песню своей дивизии — она знаменита (не песня, а дивизия) здесь. Это всё или почти всё, что я написал за это время. Правда, я веду записки, дневники или что-то вроде дневника. Записываю всё, что пригодится для книги, которая будет, если я жив буду.

Думаю, что скоро, этой зимой произойдет последний, или почти последний, тур.

П Е С Н Я 76 СТРЕЛКОВОЙ ЕЛЬНИНСКОЙ ДИВИЗИИ

Оружьем на солнце сверкая,
На запад штыки устремив,
Дивизия наша лихая,
Как буря пошла на прорыв.

Марш вперед,
За наш народ,
Песню запевая,
За отчизну в бой идет
Семьдесят шестая.

Покорны могучему шагу
Пред нами просторы встают.
Про нашу большую отвагу
Уж грянул московский салют.

П р и п е в.
Запомнят Смоленские дали,
Запомнят и Днепр и Десна,
Как ельнинцы с боем шагали,
Не зная покоя и сна.

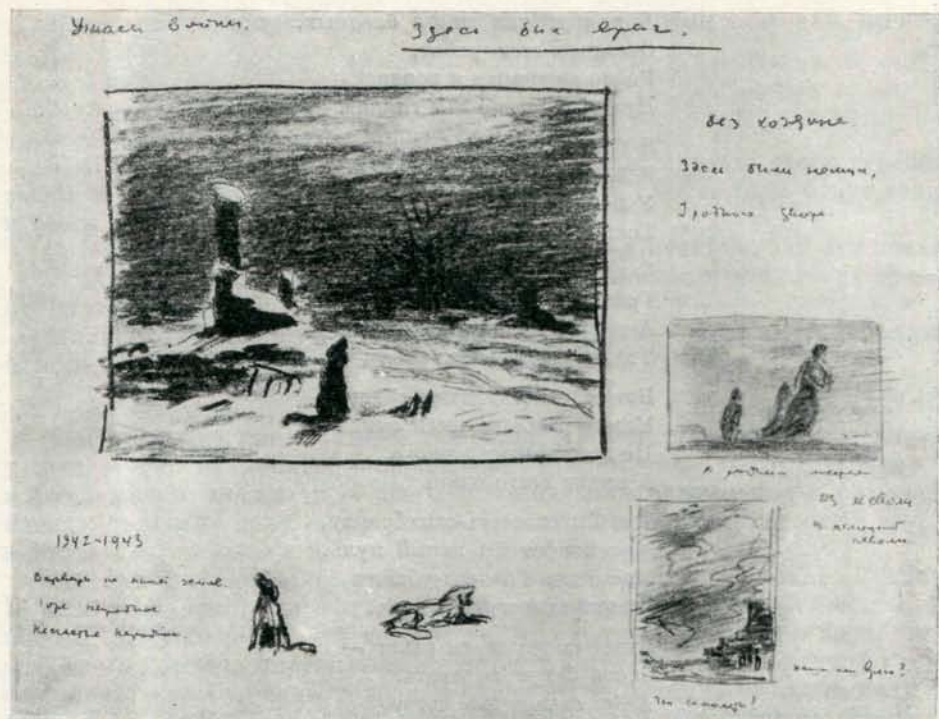
П р и п е в.
Вспомянем любимых героев,
Погибших в кровавом бою,
Спавших священною кровью
Солдатскую нашу семью.

П р и п е в.
Не ведает сердце измены,
Не ведает страха душа,
И с русскими братья-туркмены¹,
Шагают, фашистов круша.

П р и п е в.
Нас ждут в безутешной печали
Народы под вражьем ярмом.
Священную клятву мы дали
И мы к ним с победой придем.

П р и п е в.
Проложим штыками своими
Наш путь неуклонный вперед.
Пусть ельнинцев грозное имя,
Как гром, на Берлин упадет.

П р и п е в.

«УЖАСЫ ВОЙНЫ: ЗДЕСЬ БЫЛ ВРАГ»

Рисунки Н. М. Аввакумова (угольн. карандаш). Страница из фронтового альбома художника, 1942—1943 гг.

Собрание Г. Д. Аввакумовой, Москва

¹ 76 СЕД была образована из 87 отд. стрелковой бригады, сформированной в Туркменской ССР.

21.10.43

Жду не дождусь твоих писем. Но я отношу это за счет почты и за счет наступления, а не за счет твоих чувств ко мне.

Мы теперь в полосе затишья. И замечательное дело! Несмотря на неописуемые трудности наступления, сидеть в сравнительной тишине — вещь надоедливая и нудная. И хочется наступать, опять окунуться в этот неумолчный шум и грохот.

Мы прошли полосу мертвых деревень, сожженных немцами при отступлении. Нет на свете ничего печальнее зрелища запустения и ничего нет трагичнее судьбы людей, живущих жизнью троглодитов, пещерных людей, кое-как выкопавших себе землянки. Они там существуют вповалку, с детьми, со стариками. От деревень остались одни дымоходы. Ночью эти дымоходы производят призрачное впечатление — это походит на надгробные камни или на кладбище инков. Лунные тени ложатся на эти надгробные камни. Человеческое горе может здесь сравниться разве только с человеческим терпением, которое поистине безгранично.

Мое сердце разрывается от жалости при виде детей, которые бог знает сколько времени не раздевались. Они смотрят круглыми глазами и как будто спрашивают: за что? Естественно, вспоминаются Женичка и Ляличка.

Я хожу по мертвым селам,
Путь невесел и далек.
И со мной один гостинец —
Только сахару кулек.

А вокруг так много бледных,
Обездоленных ребят,
Робко из тряпья и пепла
Прямо в сердце мне глядят.

Я бы отдал этим детям
Всё, что в жизни я берег.
У меня ж добра так мало —
Только сахару кулек.

Сахар, выданный по норме,
Граммов двести пятьдесят.
А вокруг так много бледных,
Тихих, маленьких ребят.

Вот я роздал детям сахар —
Мамке радость: весел сын...
Но детей ужасно много,
А кулек всего один.

Мне бы скатерть-самобранку,
Мне конфет бы целый куль,
Мне б для Гитлера-убийцы
Сотню самострелок-пуль.

Будет скоро детям сахар —
Снова будут выдавать.
А без сахару мне легче
И ходить и воевать.

Такие стихи написал я сегодня Женичке и Ляличке и Аллочке.

31.10.43

Милый друг, через пять минут кончается октябрь, октябрь 1943 года. Не такой уж это праздник, но у меня почему-то торжественное настроение — может быть, потому, что предстоящий месяц ноябрь — праздничный, или потому, что на душе светло без причины.

Будет очень обидно, если меня, избави бог, убьют. Свет не увидит тогда вещей, которые дадут ему, возможно, много прекрасных минут. Какое-то чувство абсолютно созревшей творческой силы — и, поверь, Галечка, очень большой — наполняет до краев, и это — я заметил это не раз — чувствуют и окружающие во мне.

Так что — всё впереди. У меня в голове — гнездо прекрасных стихов, а главное — книга, которую я потихоньку, в своем дневнике уже теперь называю Великой Книгой.

Дни проходят в работе по управлению войсками — я в штабе соединения. Работы много, и она интересна. У нас стало спокойней — ненадолго, вероятно.

Пошел месяц ноябрь. Через семь дней праздник. И если тебе придется выпить, выпей один бокал за мое здоровье, моя дорогая, как я буду пить за здоровье твое, Женички и Лялички и за твое золотое сердце, и за твои ясные глаза, и за нашу будущую встречу.

2.11.43

Я жив и здоров и даже временами весел. Ухожу дальше на запад.

5.11.43

Добрый день, мои многочисленные дети!

Писал бы вам много — да времени мало. Поэтому сообщаю, что жив, здоров. Хочу вас видеть и люблю вас крепко.

Когда война кончится — а это уже не за горами — я вам привезу:

1. Яблоку.

2. Груш.

3. Апельсинов.

4. По кукле с закрывающимися глазами.

5. Две лошадки с повозкой, чтобы мы могли ездить в гости к разным тетям и дядям и удирать из дому, когда эти тети и дяди будут ездить в гости к нам.

6. Вот эту пишущую машинку, на которой я печатаю вам это письмо.

7. И себя самого, для того чтобы мы были вместе и никогда больше не разлучались.

Милые дети, почему вы мне ничего не пишете — ведь вы уже большие и пора вам писать письма хотя бы печатными буквами.

9.11.43

Так проходят дни — уже и праздник прошел. Прошел он бледновато у нас — что ж делать! — фронтовая обстановка. Дали «усиленную» порцию водки, посидели — все офицеры — вместе часа два и разошлись каждый к своему делу — продолжать тяжкий и не всегда веселый труд — войну.

Сегодня был более веселый день — прибыл доклад и приказ Сталина. В них уже ясно — и справедливо — прозвучали милые слова: конец войны¹. А уже пора — и не потому, что трудно мне — мне ведь легче, чем всем, — я ведь переживаю все тяготы не только как объект, но и как свидетель, как будущий творец и судья — но потому, что неумогу на роду, а у меня доброе сердце, и мне, по сути дела, несмотря на кажущуюся суровость, страшно жаль людей — не знаю, знаешь ли ты это. <...>

Итак, идут дни, и уже прошло два с половиной года с тех пор, как я не видел тебя. Ибо те два дня, что я был у тебя в Петровском, не могут идти в счет — это было, как сон. Это чем-то напоминает мой приезд в Бирю, где ты тогда жила. Это было, — о, молодость! — восемь лет тому назад, в 1935 году. Правда, ты тогда была без Женюрки и Лялички, но и теперь, когда я был у тебя, мы, кажется, сохранили тот же молодой пыл и большую привязанность друг к другу.

Два с половиной года прошло и — признаюсь тебе, моя любимая — я начинаю забывать тебя. Твой облик (внешний и внутренний) застилается каким-то туманом, дымкой, как будто ты была в другой жизни. Но глубоко в моей душе ты и наши дети нетленны — я это знаю. И с суровым терпением ожидая конца войны и делая всё для того, чтобы она кончилась скорей, я вижу впереди большую жизнь вместе, и мной овладевает тихая радость.

Милая моя, мы должны пройти и пройдем через все печали. И через все искушения.

¹ Имеются в виду доклад Председателя Государственного Комитета Обороны «26-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции» и приказ Верховного Главнокомандующего № 309, 7 ноября 1943 года.

10.11.43

Моя милая, моя дорогая, без преувеличения скажу, что твое письмо после полуторамесячного перерыва принесло мне живейшую радость. Уже не раз бывали длительные перерывы в нашей с тобой письменной связи, но на этот раз, в условиях ожесточенных боев, я воспринимал отсутствие связи с тобой с особенно тяжелым сердцем. Мне мерещились разные страхи, особенно в последние две недели — период некоторого затишья у нас, когда оставалось достаточно времени для дум и размышлений. <...> Нам предстоит еще большие сражения <...> *Конец письма утрачен.*

11.11.43

Получила ли ты мои многочисленные письма и записочки, которые я посылал тебе довольно часто, несмотря на бои, передвижения и страшную занятость?

15.11.43

Мои милые Женичка, Ляличка, Аллочка!

Давно вам не писал, потому что очень занят, мы всё воюем с поганим немцем и крепко его бьем. Скоро мы прогоним всех немцев с нашей земли и заживем хорошо.

Сегодня к нам в штаб пришел маленький мальчик. Немцы убили его папу и маму, и он к нам пришел и попросил, чтобы мы взяли его к себе и дали ему винтовку, чтобы он мог убить много-много немцев. Но ведь ты маленький, — сказали ему наши офицеры. Я сказал: оставим его у нас, пусть он с нами ест и пьет и дадим ему маленький револьвер. И меня послушались. Этот мальчик Витя у нас и он шлет вам привет.

СЕСТРЕ

17.11.43

Я — в боях. Снова «до смерти четыре шага»¹ и гул орудий. Писать нет времени.

¹ Из стихотворения А. Суркова «Землянка».

20.11.43

Мои дорогие, седьмой день наша часть в тяжелых боях. Сегодня у меня вроде дня отдыха, и я спешу вам сообщить, что я жив и здоров. <...> Целую Женичку и Ляличку крепко, тебя — горячо.

26.11.43

Любимая моя, я только что получил твое письмо, твое ласковое письмо <...> Оно получено мной в нелегкий момент — вокруг грязь, грязь, грязь, подлый и проклятый враг сопротивляется упорно, места пустынные, безлесные, выжженные немцем дотла, и в наших землянках холодно. Тут герои — все, просто жить здесь так — уже героизм.

Слова стиха о том, что «мне в холодной землянке тепло от твоей негасимой любви» пришли мне на ум <...>, когда я читал строки твоего письма. Не знаю, стало ли мне теплей, но у меня стало светло на душе, слякоть и разрывы снарядов перестали казаться пределом существования, я почувствовал веселое будущее с зелеными деревьями, умными дочерьми, любимой и стойкой женой, катание на лодках, смех, солнце и беседу друзей. Ох, Галечка, нужно иметь богатую фантазию, чтобы здесь представить себе нечто подобное. <...> *Конец письма утрачен.*

<Ноябрь 1943 г.>

<Начало письма утрачено.> <...> Моя жизнь, вообще говоря, мало дается описанию в письмах. Во всяком случае, твой дражайший супруг не унывает в любых переделках, не трусит в бою и перестает шутить только в самых исключительных условиях, любим своими начальниками за ясность мысли и настойчивость в делах и подчиненными за справедливость и веселость. Вот и всё. И он хочет писать Великую Книгу и надеется ее написать среди вас, мои дорогие.

76 СЕД предстояли бои за опорный пункт противника — город Оршу, для подхода к которому нужно было одолеть сильно укрепленный узел — деревню Боброво. Четыре ряда траншей с колючей проволокой и минными полями нужно было преодолеть, чтобы продвигаться дальше. В лесах и оврагах противник сосредоточил свои части и технику, непрерывно обстреливая наши боевые порядки. Местность была выгодной для противника и невыгодной для наших частей — противник просматривал наши боевые порядки и тылы, им простреливалась вся противоположная местность, в особен-

ности — переправы через реку Россасенка. В осенней грязи окопов и траншей, под почти непрерывным обстрелом, уставшие, иззябшие люди стойко переносили лишения. После нескольких безуспешных попыток взять Боброво, 1 декабря 1943 г. части дивизии снова пошли в наступление. Первая атака не дала результатов. Тогда командование дивизии решило предпринять обходный маневр, и в ночь с 1 на 2 декабря части дивизии прорвались в тыл противника. Вся ночь прошла в жестоких боях. Под угрозой полного окружения противник поспешно оставил Боброво, понеся большие потери.

* ИЗ НАГРАДНОГО ЛИСТА

Тов. Казакевич, работая на должности помощника начальника оперативного отделения штаба дивизии, показал себя способным, энергичным и храбрым офицером. <...>

За время наступательных боев с 15.11 по 3.12.43 г. в районе дер. Боброво, находясь на переднем крае, личным примером и храбростью воодушевлял бойцов и офицеров на выполнение поставленных задач, чем способствовал овладению сильно укрепленным пунктом противника — дер. Боброво.

За проявленные бесстрашие и храбрость тов. Казакевич достоин правительственной награды Ордена Красной Звезды.

Начальник 1 отд. 76 ЕСД майор Ар х и п о в

Начальник штаба 76 ЕСД подполковник А т а е в

Командир 76 ЕСД полковник В ы д р и г а н

7 января 1944 г.

1944

1.1.44

Вчера я приехал из Москвы¹ <...> Приехал я, как Чацкий, с корабля на бал — прямо на встречу Нового года. Встретили меня хорошо после 10-дневного отсутствия, и я имел удовольствие слышать от всех, что без меня было здесь скучно. <...>

Теперь снова — за дело!

¹ Перед Новым годом Казакевич получил отпуск на несколько дней для поездки в Москву.

СЕСТРЕ

10.1.44

В Москве уже всё, как до войны, только фонари на улицах матовые, да карточки. Все вернулись из эвакуации. Народу полно.

Олеша где-то в Средней Азии, и он сказал о себе неподражаемо: «Я никогда не думал, что умру узбекским нищим».

В конце января 1944 г. 76 СЕД прибыла на ст. Бологое для пополнения.

«Дело о побеге» Казакевича из Владимира в Действующую армию еще не закончилось:

17.1. 1944 г.

* № 01001-в

ВОЕННОМУ ПРОКУРОРУ 76 СРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ

Прошу проверить и сообщить мне, состоит ли на службе в 76 сд старший лейтенант Казакевич Эммануил Генрихович. Если Казакевич состоит на службе, то когда он прибыл, кем и по какому предписанию прислан. <...>

По имеющимся сведениям, Казакевич в июле 1943 г. в течение 10 дней находился у зам. командира 51 сд подполковника Выдригана, а затем вместе с последним выбыл в 70 сд¹.

В данное время подполковник Выдриган состоит на службе в 76 сд и вместе с ним находится Казакевич Э. Г.

Ответ прошу не задерживать.

Пом. военного прокурора МВО майор юстиции Раусов

¹ Неточность: на самом деле — в 174 сд.

СЕСТРЕ

5.2.44

Дорогая Люся, только что получил твоих три письма — после длительного перерыва, связанного с нашим передвижением...

О том, что я награжден орденом Красной Звезды, я вам уже писал, кажется. Ну, а если не написал, то вот теперь вы уже об этом знаете. Теперь меня представили к ордену Отечественной войны.

Дорогие мои и любимые люди, каждый раз, что я получаю от вас письма, становится хорошо и грустно на душе от сознания, что есть в мире сердца, где живу я.

5 февраля 1944 г.

* № 02274-в

ВОЕННОМУ ПРОКУРОРУ 76 СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ

Прошу срочно исполнить наш № 01001-в от 17.1.44 г. в отношении ст. лейтенанта Казакевича Э. Г.

Пом. военного прокурора МВО майор юстиции Раусов

7.2.44

ПРОКУРОРУ 76 СЕД

В ответ на ваш запрос сообщаю:

В июне 1943 г. я, работая зам. редактора газеты 4 Курсантской запасной стрелковой бригады «Боевые резервы» (г. Владимир), многократно, но безрезультатно просился на фронт. Тогда я списался с знакомыми командирами из 51 сд, получил от них командировочное предписание и выписку из приказа по дивизии о назначении на должность пом. начальника 2 отд. и уехал на фронт самовольно.

Но командование 4 КЗСБ сообщило о моем самовольном отъезде на фронт политотделу 21 армии с просьбой вернуть меня обратно в тыл. Политотдел 21 армии выдал мне предписание отправиться в распоряжение ПУ МВО, и я был вынужден уехать в Москву.

В Москве мой старый командир, полковник Выдриган, под начальством которого я служил с декабря 1941 по май 1942 г., получал в то время назначение на новую должность. Он договорился о моей дальнейшей судьбе с генералом Свиридовым (начальник Главного Управления кадров Красной Армии), и ГУК КА выдал мне предписание следовать в распоряжение штаба 21 армии, куда направлялся и полковник т. Выдриган.

Так кончились мои мытарства с «бегством» на фронт.

Я был назначен в 174 сд, где работал вначале адъютантом командира дивизии полковника Горелика, затем — помощником начальника 2 отделения. Из 174 сд я был переведен приказом Военного Совета 21 армии в 76 СЕД на должность пом. начальника оперотделения, где работаю и по сей день.

Ст. лейтенант Эм. Казакевич

СЕСТРЕ

18.2.44

Я жив и здоров и даже временами весел. А война всё идет, всё продолжается <...>

**Э. Г. КАЗАКЕВИЧ И СЕРЖАНТ
Г. В. ЛЯМИН**

Фотография. 1 Белорусский фронт,
47 армия, лето 1944 г.

Собрание Г. О. Казакевич,
Москва

В марте — апреле 1944 г. 76 сд вела бои в районе города Ковель. Положение оказалось напряженным. В районе Ковеля сосредоточились крупные силы противника. Необходимо было разведать, какие части стоят перед дивизией, каковы намерения противника, расположение и численность вражеских войск и техники. Разведка дивизии не справлялась с задачами, диктуемыми создавшимся положением. В приказе войскам 125 ск от 9.IV.1944 г. сказано: «76 сд до сих пор не знает, какой противник действует перед ней; за период с 1 по 7 апреля дивизией взят только один пленный». Еще накануне вместо смещенного начальника разведки дивизии на эту должность назначается Казакевич. 10 апреля разведчиками дивизии был взят пленный Герман Г. и документы у трех убитых солдат и офицеров.

В разведсводке от 14.IV Казакевич отмечает: «Противник приводит себя в порядок и готовится к возобновлению наступления».

*** ИЗ РАЗВЕДСВОДКИ
за период с 6 по 16.IV.1944**

В ы в о д:

1. Противник подтягивает технику и живую силу к передней линии фронта, имея своей задачей уничтожение нашей группировки юго-западнее Ковеля.

2. По показанию пленных и документам, перед фронтом дивизии действуют: полк СС «Германия» дивизии СС «Викинг», 565 гренадерский полк, 2/453 пп 253 пд и 5 ОЗАД.

Начальник 2 отделения ст. лейтенант К а з а к е в и ч

20.4.44

У меня всё в порядке и, надеюсь, и дальше будет так же.

Пришла весна, да не до нее сейчас. У нас серьезные бои. Но я рад ей — ты писала о топливе, а сейчас оно не так уж нужно. <...> В общем, Галечка, живы будем — не помрем.

* ПЛАН РАЗВЕДКИ

76 СЕД на период с 14 по 20.IV.1944 г.

1. Захватить контрольных пленных и документы на участках: а) лес севернее Зилув, отм. 210.1, б) лес западнее Зилув, в) Туровиче, г) Миляновиче (искл.) Юльнов.

2. Установить начертание переднего края обороны противника, ОП артиллерийских и минометных батарей, изучить систему огня противника.

3. Установить характер инженерных сооружений и заграждений противника перед фронтом дивизии.

4. Следить за характером передвижения войск и техники противника по дорогам: *<указаны дороги>*.

5. Следить за выдвижением новых частей противника из глубины линии фронта.

Способ — глубинная разведка.

Начальник 2 отд. 76 СЕД ст. лейтенант К а з а к е в и ч

* ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА

ефрейтора Е., 1907 г. рождения, принадлежащего
к 2 роте 697 пп 342 пд, взятого в плен ночью с 22 на 23.4.44
разведчиками Казакевича (76 сд)

342 пд прибыла под Ковель из-под Могилева 19.4.44. Ее 697 пп выгрузился в Любомль и 21.4 сменил на передовой части 131 пд. Остальные полки 342 пд находятся еще на марше.

342 пд состоит из 697, 698 и 699 пехотных полков и артполка. Командир 342 пд — генерал-майор Никкель. Командир 697 пп — полковник Келлен.

697 пп занимает оборону к востоку от Туровиче.

На ст. Любомль 19.4 стояло 5 эшелонов с людьми и 1 эшелон с танками.

23.4.44

Пишу тебе на трофейной бумаге несколько слов — обычных, тех, которых я от тебя жду: я жив и здоров.

Здесь всё по-прежнему — воюем и основательно.

Галечка, ты держись молодцом. Так держись и дальше, и мы увидимся.

* ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

Карла В., принадлежащего к 2 роте 697 пп 342 пд, захваченного в плен в районе Туровиче в ночь на 24.4.44 разведчиками Казакевича (76 сд)

342 пд 16.4 погрузилась в Могилеве и 19.4 прибыла на Ковельское направление. К 21.4 дивизия полностью выгрузилась на ст. Любомль. Задача 342 пд — наступать.

21.4 комвзвода говорил пленному, что через 48 часов начнется наступление, причем задача 697 пп выправить фронт, оттеснив выдвинувшиеся части Красной Армии на своем участке.

• РАЗВЕДСВОДКА ОТ 24.4.44

1. Противник в течение истекших суток продолжал удерживать ранее занимаемый рубеж обороны. Производил оборонительные работы по усовершенствованию занимаемого рубежа: строил блиндажи, углублял окопы до полного профиля, строил проволочный забор на участке северо-восточнее М. Миляновиче. Вел редкий ружейно-пулеметный огонь и артиллерийско-минометным огнем методически обстреливал боевые порядки и ближайшие тылы дивизии.

В 1.00 25.4 противник из района Зилув — Туровиче вел подготовку к наступлению. К переднему краю подтягивали мелкими группами пехоту и технику. В лесу северо-западнее Зилув был слышен шум моторов танков.

Разведкой подготовка противника была своевременно разоблачена и артиллерийско-минометным огнем скопление пехоты в районе Туровиче рассеяно. <...>

4. Разведподразделение дивизии двумя разведгруппами будет вести разведку в ночь с 25 на 26 с задачей захватить контрольных пленных и документы в районах: *<перечислены районы>*. Наблюдатели от разведроты и взводов пеших разведчиков полков с передовых НП несут службу наблюдения и подслушивания. Потери противника: за сутки разбит НП, рассеяно до роты солдат, уничтожено 9 солдат и офицеров.

В ы в о д:

1. Противник к передней линии обороны подтягивает живую силу и технику и в ближайшее время нужно ожидать наступления¹.

2. Захватом контрольных пленных в районах: *<указаны районы>* выявить группировки противника и вскрыть его намерения.

3. Южнее М. Миляновиче противник частями 342 пд сменил части 253 пд, ушедшие южнее (требуется подтверждение).

Нач. разведки ст. лейтенант Эм. Казакевич

¹ Этот пункт дописан чернилами, рукой Казакевича.

* ВОЕННОМУ ПРОКУРОРУ МОСКОВСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА.

На № 04720 от 16.3.44 г.

№ 076. 24.4.44

Возвращаю вам требуемое вами донесение в/прокурора Московского гарнизона за № 1-188 от 5.2.44 вместе с постановлением¹ в/следователя в/прокурора Московского гарнизона от 4.2.44 в отношении Казакевича Э.Г.

Приложение: на 2 печатных листах.

Военный прокурор 76 СЕД капитан юстиции А г а б е к о в

¹ Это постановление в архиве не обнаружено.

На этом дело о «побеге» Казакевича на фронт было прекращено.

В разведсводке от 25.4 после изложения данных разведки за истекшие сутки и выводов, сделанных на основании этих данных, рукой Казакевича было дописано карандашом: «Надо ожидать в ближайшее время наступления противника на участке дивизии».

Он не ошибся: 27.4 в 5.00 противник открыл массированный артиллерийский огонь по переднему краю 76 СЕД. С 6.30 до 50 самолетов противника несколько раз бомбили боевые порядки дивизии. В 8.00 под воздействием превосходящих сил противника части 76 СЕД отошли. В 8.30 на участке соседней 165 сд фронт был

прорван. К 10.00 был занят Ружин, и правый фланг 76 сд оказался оголенным. Передовые части противника пытались зайти в тыл дивизии, и дивизия вынуждена была отойти на новый рубеж. Для защиты КП дивизии от нападения были мобилизованы штабные офицеры, разведчики и находившиеся там бойцы, которые заняли рубеж севернее и северо-восточнее КП. Этот рубеж удерживался до 13.30, когда наблюдатели дивизии доложили, что на шоссе отступает пехота — это были части правого соседа, 165 сд, — и правый фланг дивизии снова оказался открытым. Пришлось отойти на новый рубеж, а затем в 18.00 и на восточный берег реки Турья. Здесь дивизия заняла оборону и отразила попытку противника форсировать реку. Дальнейшее продвижение противника вперед было приостановлено, несмотря на неоднократные массированные налеты авиации и артиллерии.

«В этом бою был убит начальник политотдела дивизии полковник Уткин, ранен командир 216 сп — подполковник Левитин и начальник разведки дивизии старший лейтенант Казакевич» (из истории 76 сд, л. 59).

* ИЗ НАГРАДНОГО ЛИСТА ОТ 7 ИЮЛЯ 1944 г.

Тов. Казакевич — активный участник Отечественной войны.

В боях с немецкими захватчиками показал себя смелым, отважным, волевым командиром, исключительно способным организатором.

В боях под деревней Ружин 27 апреля 1944 г., когда противник наступал крупными силами при поддержке танков и авиации, товарищ Казакевич, находясь в боевых порядках, своим личным примером и бесстрашием воодушевлял бойцов, отстаивая каждую пядь нашей территории и, будучи раненым в бою, не ушел с поля боя. *⟨Продолжение наградного листа см. ниже, на стр. 463.⟩*

28.4.44

Галечка, вчера я в бою был ранен в ногу пулей навывлет <...> Пишу из медсанбата.

Милые Женичка и Ляличка! Вот вы живете в новом городе, где еще ни разу не были. Вот какие вы путешественницы! Всю страну объездили, больше многих взрослых. Кончится война, и вы будете рассказывать деткам-домоседкам про ваши приключения.

7.5.44

Лежу по-прежнему, рана начинает заживать понемножку, и недели через три я сумею опять делать свое военное дело. За меня не беспокойся, рана нисколько не опасная.

<...> То, что ты мне пишешь о наших дочерях, переполняет меня нежностью. Поцелуй их за меня лишний раз. И делай свое большое дело — воспитания детей — спокойно и терпеливо, в ожидании лучших времен. Целую тебя, мой голубь.

Войсковая часть
Полевая почта 43108
21 мая 1944 г.
№ 3/7—0521

СПРАВКА

Капитан Казакевич Эммануил Генрихович находился на стационарном лечении при в/ч п. п. 43108 с 28.04 по 21.05.44 с диагнозом сквозное пулевое ранение м/т 6/3 правого бедра.

Выписан в часть для дальнейшего амбулаторного лечения.

Нуждается в освобождении от работы на восемь дней.

Командир госпитального взвода Б о р о з о в

ПРОЩАНИЕ С МЕДСАНБАТОМ

Не ради денег нынче я пишу,
И не грущу о благах дней прошедших.
Я на войне, и я войной дышу.
Я не поэт. Я воин. Я разведчик.
Я всё, чем назовет меня весь свет,
Но временно я больше не поэт.

Что песни нынче? Песни впереди...
Но вдруг весь мир становится мне тесен,
И жарко вдруг становится в груди
От трепета еще не спетых песен.
И я в ковчеге песен, точно Ной,
Плыву на волнах, поднятых войной.

Но вот неподалеку от границы
Случился этот яростный апрель.
В меня не раз уже стреляли фрицы,
Но некий фриц попал на сей раз в цель.
Я от того не умер, слава богу,
А просто получил две дыры в ногу

И очутился я ... то бред солдата —
Иль это впрямь случилось со мной? —
Нет, верно, очутился я ... когда-то
То место называли — «рай земной».
А нынче, в этом мире бесноватом,
Тот «рай земной» зовется медсанбатом.

И сладок он не чистотой палат,
И вовсе не компотами из дыни,
И не листвой зеленой, как салат,
Не склянками с наклейкой по-латыни,
Которыми Сафаров вечно рад
Поить нас, точно древний Гиппократ.

Мне дорог этот милый рай земной
Не тем, что я (я полон этим чувством)
Отгорожен от смерти, как стеной,
Жестоко-нежным Харченки искусством,
И уж не тем, что сестры, чуть встают,
Термометры под мышки нам суют.

Всё это хорошо, но всё не в счет,
Не это всё мы раем называем.
Пусть мне давали б пять раз в день компот,
Я не назвал бы это место раем,
Когда б не наполнял питомник наш
Веселый рой Мариек и Наташ.

Наташи, Шуры, Кати и Марии!
Молюсь о вашей счастливой звезде
В аптеке, в госпитальной, в хирургии,
В эвако, сортировке и — везде.

..... 1
.....

И вот прощаясь, здесь в лесном раю,
Среди шатров, я славлю вас, голубок.
Про вас, подруги, песню я пою.

Жаль, водки нет, а то бы полный кубок
Мы выпили, а там прости-прощай,
Мой милый, пахнувший лекарством рай.

Про вас я слышал много клеветы
От дур в тылу и от глупцов на фронте,
Но для меня вы все равно чисты.
И мы в стихах прикажем: их не троньте!
(Мы — это мы: поэты-короли,
Бойцы за справедливость, соль земли).

Хочу вам напоследок пожелать я,
Чтобы скорее кончилась война,
Чтоб вы носили шелковые платья,
Чтоб жизнь была прекрасна и вольна,
И чтобы сохранил вас добрый гений
От бед и от полночных построений.

Итак — прощаюсь. Хоть и нет вина,
Но мы и так от молодости пьяны.
Так почему душа моя грустна?
Ужель я так расчувствовался? Странно,
Ведь даже и барана зубврача
И то готов обнять я сгоряча.

Прощайте. Слышите? В лесу кукушки
Прокуковали нам по сорок лет,
Хотя еще стреляют близко пушки,
Хотя душе еще покоя нет.
Итак, девочки, нежные создания,
Пусть будет не «прощай», а «до свиданья».

19 мая 1944 г.

¹ Автограф стихотворения не сохранился. Одна из медсестер, которым оно было посвящено, позднее прислала Казакевичу его текст — не совсем полный; в результате многократного переписывания оказались утраченными две строчки.

Далее в нашей публикации опущено пять строф, содержащих характеристики каждой из медсестер.

22.5.44

Я вышел из госпиталя и вернулся к выполнению своих прежних обязанностей. Хожу я пока с палочкой, но раны уже почти совсем зажили. Чувствую себя хорошо.

23.5 дивизия, находившаяся после изматывающих боев под Ковелем во втором эшелоне, снова заняла полосу обороны на восточном берегу реки Турья.

1.6.44

Начинается новый месяц — тот, который завершит три года войны. Снова приближаются знаменательные даты: три года нашей разлуки, три года первого боя и т. д. и т. п.

Моя раненая нога окрепла и уже вполне соответствует своему назначению. С палкой я еще хожу, но, вероятно, вскоре отброшу ее. Работы много, и после госпитального затишья снова начались страдные дни.

4.6.44

Наконец-то ты имеешь от меня письма. <...>

Я уже работаю, вчера ходил даже без палки, а сегодня уже ездил верхом. Все зажило, как на хорошей собаке.

СЕСТРЕ

10.6.44

Поздравляю вас с долгожданным вторым фронтом <...>. Приходится присоединиться к молитве Рузвельта (читали в газетах?)¹.

У меня всё в порядке. Работы очень много, приходится часто не спать ночью. Правая нога работает уже почти нормально, только ноет иногда.

¹ «В Правде» от 8 июня 1944 г. была напечатана молитва Рузвельта, прочитанная им по поводу начала высадки союзных войск в Нормандии.

* В ПАРТОРГАНИЗАЦИЮ ШТАБА 76 СЕД

к/к № 3749435

З а я в л е н и е

Считаю себя подготовленным к вступлению в ряды ВКП(б) в качестве полноправного члена ее и, полный желания вместе со своими товарищами по большевистской партии проводить в жизнь ее линию, прошу принять меня из кандидатов в члены ВКП(б).

Канд. ВКП(б) с 1942 г. Канд. карт. 3749435

Эм. Казакевич

15.6.44 г.

* СПИСОК

членов ВКП(б), давших рекомендации

Фамилия, имя, отчество	Парт-стаж	№ парт-билета	Место работы и заним. должность	С какого времени рекомендуя, знает вступ. в ВКП(б)
1. Веретенцев Вячеслав Михайлович	1932	0355613	ПНО-6 Штадива 76	IX.1943
2. Выдриган Захарий Петрович	1919	1016434	Командир 76 СЕД	XII.1941
3. Годкин Яков Соломонович	1925	2830508	Пом. нач. подразделения штаба	IX.1943

17.6.44

* БОЕВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

на начальника разведывательного отделения штаба 76 стрелковой Ельнинской дивизии капитана Казакевича Эммануила Генриховича

Капитан Казакевич Э. Г. в 76 стрелковой Ельнинской дивизии с сентября 1943 г. До марта месяца 1944 г. работал помощником оперативного отделения, с марта месяца — начальником разведывательного отделения штаба дивизии. За период службы в 76 СЕД показал себя смелым в бою и решительным офицером.

Работая пом. нач. оперативного отделения, проявлял склонность к разведслужбе, так им был организован дневной поиск, участником которого он был лично. Поиск закончился захватом контрольного пленного. Опыт дневного поиска как положительный был отмечен в армейской печати.

Будучи начальником разведотделения штадива, капитан Казакевич хорошо организовал разведслужбу, что обеспечивало получение своевременных сведений о противнике. <...>

В наступательных боях летом в 1944 г. большую часть времени находился в боевых порядках частей, организуя разведку и лично участвуя в ней. За умелое выполнение заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками награжден орденом «Красная Звезда» и орденом «Отечественная война» II степени¹.

Капитан Казакевич в боях был дважды ранен.

Командир 76 СЕД полковник В ы д р и г а н

¹ Неточность: к этому времени Казакевич был только представлен к ордену Отечественной войны II степени. См. также наградной лист от 7 июля 1944 г.

20.6.44

Пользуюсь перерывом и пишу тебе, милая, несколько слов. Мне принесли твое письмо. Очень хорошо, Галечка, когда жена пишет мужу такое письмо на десятом году их совместной жизни. Это делает честь им обоим. Я уверен, что заживем мы по-настоящему. И большая радость жить с любимым человеком ожидает нас обоих — меня, как и тебя. Давай будем верить в нашу звезду и в то, что мы будем достойны радостей, которые нас ожидают.

Ты пишешь, что всё перенесешь ради нашей встречи — смотри, переinesi.

22.6.44

У меня всё хорошо, насколько это возможно на войне. А сегодня трехлетие войны. Из этих трех лет я на фронте более половины — год восемь месяцев. Ты мучаешься почти полных три года. Ничего, моя Галечка, в эту годовщину будем еще упорней; еще терпеливей ждать, делая всё, что в наших силах, для общего дела.

СЕСТРЕ

22.6.44

Как причудливо сложилась жизнь! Я — капитан, мои труды и мечтания где-то далеко, как бы на другой планете. Вернусь ли я к этому сладкому и горькому занятию — литературе?

25.6.44

... ты несколько преуменьшила мои военные таланты, предположив, что я младший лейтенант до сих пор. Я уже капитан, награжденный орденом Красной Звезды и представленный к ордену Отечественной войны I степени — одним словом, заслуженный воин, перед которым, кроме смерти, еще и множество завидных перспектив вроде других орденов и медалей.

Незачем говорить, что я совсем не стремился перепе歌лять Лермонтова чинами, а Дениса Давыдова орденами. Если оно и получилось так, то я, во всяком случае, желаю поскорее иметь возможность перепе歌лять первого и второго стихами. И это мое желание тесно, до слияния в одно целое, связано с желанием быть вместе с тобой и с нашими детьми. <...>

Теперь надо смело воевать, чтобы скорей иметь возможность жить мирно. Яростно воевать, чтобы счастливой жить — не это ли является теперь лозунгом всех мало-мальски честных людей во всем мире? Причисляя себя к последним, я это и делаю, насколько могу.

Галечка, свет, чаще пиши.

5.7.44 г., после полутора месяцев упорных боев в районе Ковеля, противник начал оставлять свои позиции. В 5.00 76 СЕД стала преследовать противника и уже в 6.00 достигла окраины города Ковель. С боем форсировав реку Турья и перейдя на ее западный берег, дивизия продолжала наступление. При переправе через реку Турья 6 июля был ранен полковник Выдриган.

5 ИЮЛЯ 1944 г.

Был день, как день, обычный день июля,
И если бы не ад, закрытый мглой,
Казалась бы летящая к нам пуля
Тяжелой медоносною пчелой.

Но то был ад, со всей его котельной,
Обычный ад войны. И город весь
Казался западней смертельной,
Куда мне долг приказывает: лезь!

Весь выжжен, взрыт, весь взорван и распорот,
Зияющий и страшный, как провал,
Открылся предо мною этот город,
Который путь к Варшаве прикрывал.

Обломки улиц, черепичных кровель,

Он где-то в книжках назывался Ковель,¹
Но то была безвыходность сама.

А за рекой, себе берлогу выбрав,
Противник, страшный в немочи своей,
Негаданною смертью всех калибров
Гвоздил по лежкам наших батарей.

Огонь крошил в обломочки обломки,
Он шарил по домам исподтишка,
Как шарит по пустому дну котомки
Голодная и жадная рука².

¹ Здесь в подлиннике пропущена строка.

² Это стихотворение написано наспех, на обрывке какого-то бланка, на обороте которого имеются записи Казакевича, видимо, касающиеся военных забот того дня, когда стихотворение писалось, например: «80 снарядов и мин, м/б 2,75 — ор 2».

* ИЗ ПРИКАЗА ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО

от 7.7.1944.

Войска Первого Белорусского фронта 6 июля овладели важным опорным пунктом обороны немцев и крупным железнодорожным узлом — городом Ковель.

В боях за овладение Ковелем отличились войска <...> полковника Выдригана.

* ИЗ НАГРАДНОГО ЛИСТА ОТ 7 ИЮЛЯ 1944 г.

В боях за овладение городом Ковель товарищ Казакевич обеспечивал разведку состояния противника, своевременно разгадал замысел противника и способствовал занятию г. Ковель частями нашей дивизии 6 июля 1944 г.

Достоин правительственной награды Ордена Отечественной войны II степени.

Командир 76 стрелковой Ельнинской дивизии полковник Д р о г а й ц е в

Тов. Казакевич правильно организовал разведслужбу в дивизии, своевременно вскрывал группировки противника.

Начальник разведотдела 47 армии полковник М а л к и н

Достоин награждения орденом Отечественной войны II степени.

Начальник разведотдела 125 ск майор Ф е д о т о в

Командир 125 ск генерал-майор Ку з ь м и н

Командующий 47 армии генерал-лейтенант Г у с е в

Член Военного Совета 47 армии генерал-майор К о р о л е в

19 июля 1944 г. 76 СЕД начала наступление в направлении Крушинец.

* ПЛАН ДЕЙСТВИЙ РАЗВЕДКИ

на период наступления 76 СЕД с 18 июля 1944 г.

... в) Группа разведроты (с рацией), которая вела разведку на правом фланге, подходит к Рудне и захватывает переправу. Саперы разведывают броды р. Выжувка в районе Рудня. В помощь высылается конная группа с ручными пулеметами и стрелковая рота от 93 сп. <...>

д) Конный разъезд разведроты высылается в район Кукурики, отм. 185,8 Мшанец, откуда доносит о местонахождении и намерениях противника.

Начальник разведки 76 СЕД¹ капитан К а з а к е в и ч

¹ После взятии Ковеля дивизии было присвоено наименование «Ковельская».

К концу дня 19 июля дивизия, преследуя противника, достигла местечка Крупице, затем форсировала реку Западный Буг и вышла на территорию Польши. 22 июля к 11.00 части 76 СЕД последовательно овладели населенными пунктами: Собибор, Собибор-Дульник и Орхувек.

В 17.00 полки дивизии форсировали реку Влодавка, а в 19.00 город Влодава был взят.

* ИЗ ОТЧЕТА

по организации и проведению войсковой разведки разведотдела штаба
125 стрелкового корпуса за июль месяц

Практиковались рейды конных разведчиков в тыл противника с целью захватить мосты и переправы на путях отхода противника, чтобы отрезать пути его отступления.

Например, 24.7.44 года¹ конному отряду разведчиков 76 сд была поставлена задача прорваться в тыл противника и захватить мост шоссе на дороге через реку Влодавка в районе три километра западнее Орхувек.

Конный отряд в количестве семи человек под командованием начальника разведки дивизии капитана Казакевича незаметно проник в тыл противника, захватил мост, после чего встретил группу противника в количестве сорока человек и принял бой. В начале боя большинство немцев подняло руки вверх для сдачи в плен, но, увидев малочисленность конной группы, открыли по разведчикам огонь из винтовок, автоматов и крупнокалиберного пулемета. Разведчики, уничтожив до 25 человек противника, имея сами потери — двое убитых и трое раненых, в том числе ранен начальник разведки дивизии капитан Казакевич, — вынуждены были отойти.

¹ Дата в отчете указана ошибочно. Другие документы говорят о том, что это произошло 22. VII. 44 г.

25.7.44

Я лежу снова в госпитале, в Польше. Это здание бывшей школы, светло, чисто, много цветов. Я ранен осколком гранаты в правое бедро¹. Осколок уже вынули. Было (и предстоит еще) много боли. Но это не страшно. <...>

Немцы бегут. Много пленных, трофеев.

Получил бы я за последний подвиг большую награду, но, в связи с моей эвакуацией в госпиталь, вряд ли получу. И если предполагать, как это делают многие, что я уже отвоевался, то приду я домой таким же, каким ушел на эту войну, но с чистым сердцем и с правом на спокойную жизнь и работу, правом, завоеванным не словами, а делом и кровью.

Вот итог за три года и один месяц: я совершил не менее пяти подлинных подвигов; в самые трудные минуты был весел и бодр; и подбадривал других; не боялся противника; не лебезил перед начальством; не старался искать укрытия от невзгод, а шел им навстречу и побеждал их; любил подчиненных и был любим ими; оставался верен воспоминаниям о тебе и двух детских жизнях — нашей плоти; сохранял юмор, веру и любовь

СОЛДАТ ПОБЕЖДАЮЩЕЙ АРМИИ

Рисунок В. С. Климашина (угольн. карандаш), 1944

Собрание В. Ф. Климашиной, Москва

к жизни во всех случаях; был пять раз представлен к награждению орденами, и получил пока только один орден; из рядового стал капитаном; из простого бойца — начальником разведки дивизии; будучи почти слепым, был прекрасным солдатом и хорошим разведчиком; не использовал своей профессии писателя и плохое зрение для устройства своей жизни подальше от пуль; имел одну контузию и два ранения.

Вот и всё. Подведи и ты свои итоги, и будем уверенно смотреть вперед. Пока кончаю. Адрес пока в воздухе. Не пиши, пока не получишь следующего письма.

¹ В справке о ранении, выданной эвакогоспиталем № 1511 28 сентября 1944 г., сказано: «В боях за советскую Родину капитан гв. Ельнинско-Ковельской сд Казакевич Эммануил Генрихович 22 июля 1944 г. был ранен — слепое осколочное ранение правого бедра».

* ИЗ ОТЧЕТА

по войсковой разведке штаба 47 армии в разведотдел штаба 1 Белорусского фронта с 1.7 по 1.8.1944 г.

В лучшую сторону выделяется работа разведорганов 328 сд (начальник разведки дивизии майор Фокин) и 76 сд (начальник разведки капитан Казакевич), которые проявили наибольшую мобильность в работе в насту-

пательных боях наших войск по организации разведки на флангах, стыках наших войск, засылки лазутчиков и конных разведчиков в тыл противника, по захвату и подрыву мостов, важных дорог, по захвату пленных и документов, что дало возможность своевременно вскрыть пути и направления отхода, силу арьергардов, прикрывающих отход главных сил противника.

28.7.44

Лежу неподвижно вот уж седьмые сутки. Иногда сильные боли, но, видимо, ничего опасного нет. Осколок из ноги вынули еще 23.7. Нужно терпеливо ждать заживления раны. Я и лежу в госпитале и жду. Я на польской земле, хорошее лето, ягоды и яблоки. Почти отдых. Но солдатский отдых без боли не бывает.

г. Олевск <Житомирской обл.> 11.8.44

Я лежу, набираюсь сил и понемногу выздоравливаю. Если все пойдет нормально, я через 45—60 дней выйду на свет божий. Великое, беспомощное, скандальное, стонущее братство раненых!

18.8.44

Я по-прежнему лежу в Олевске. У меня есть немного денег, и я подкармливаюсь, благо тут все дешево. Дело пошло к осени, холодные ночи, и на душе — осенняя какая-то тишина, отсутствие сильных желаний чего-либо и философское спокойствие, свойственное раненым, которым рана уже не причиняет особенно сильных страданий.

Если меня эвакуируют дальше в тыл — а это весьма возможно, я тебе напишу свой адрес. Пока напиши мне одно письмо — Олевск, до востребования — и в нем напиши самое главное: что вы живы и здоровы. <...>

Я тебе писал уже, что полковник ранен 6.7 в Ковеле; я ранен 22.7 в Польше. Уезжать дальше в тыл мне не хочется: нужно получить и орден Отечественной войны, к которому я представлен, и партбилет — в июле я принят в ВКП(б). Но мое дело маленькое — как со мной сделают, так и будет.

<Ст. Ртищев, проездом> 4.9.44

Поезд уносит меня все далее в тыл. Вот я уже в Саратовской области, и вероятно нас повезут в один из уральских или сибирских госпиталей. Между тем нога становится все лучше.

6.9.44

Галечка, вот и финны вышли из войны. Война идет на убыль, а я еду все дальше в тыл. Наш санпоезд приближается к печально-известной Уфе, а оттуда пойдет далее на Урал. Чем чёрт не шутит — может быть, мне так и не придется больше воевать?! Мне трудно в это поверить.

Ноге моей стало в пути несколько хуже, но говорят, что это естественное следствие постоянной поездной тряски. Прибуду, даст бог, к вам на собственных ногах.

<Алтайский край, г. Барнаул, эвакогоспиталь 1511>, 11.9.44

Галечка, итак, после долгого и утомительного путешествия я на месте, в г. Барнауле, эвакогоспиталь 1511. Тут и лежим мы и — с бóльшим или меньшим терпением — ждем, пока заживут раны.

И вот я в тылу, трудящемся и пошлом. Прошу все святое мое семейство повернуться лицом не на запад, а на восток.

СЕСТРЕ

25.9.44

Через семь — десять дней я выпишываюсь, наконец. Отсюда я еду в распоряжение СибВО, в Новосибирск. Куда пошлют — не знаю. Постараюсь

ПИСЬМО Э. Г. КАЗАКЕВИЧА ЖЕНЕ
Г. О. КАЗАКЕВИЧ
Автограф. Омск, 2 октября 1944 г.
Почтовая открытка
Собрание Г. О. Казакевич, Москва

2.10.44
Я в резерве СибВО,
в Омске, куда попал
после госпиталя.
Надеюсь вскоре
сюда «сбежать» на
фронт.
Нашими не пере-
ленно, как вы
живете.
Э. Г.

попасть опять под Варшаву. В тылу я сумею жить *только* в штатском
платье. Пока я военный — хочу быть на фронте. А я военный, пока.

СЕСТРЕ

〈Омск〉 2.10.44

Дорогие, я попал после госпиталя в резерв СибВО. Настроение ужас-
ное, просто трудно передать. Кто знает, что такое резерв, тот поймет.
Только бы мой комдив успел прислать на меня требование — тогда, мо-
жет быть, отпустят на фронт.

〈Омск〉 2.10.44

Я в резерве СибВО, в Омске, куда попал после госпиталя. Надеюсь
вскоре и отсюда «сбежать» на фронт.

Омск, 6.10.44

ГОР. НОВОСИБИРСК. ШТАБ СИБИРСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА. ОТДЕЛ
КАДРОВ. НАЧАЛЬНИКУ ОТДЕЛА ПОЛКОВНИКУ Т. СИДОРОВУ

Товарищ полковник!

Я вынужден обстоятельствами обратиться к вам за советом и помощью.
Два слова о себе: я член Союза писателей СССР, в июле 1941 г. вступил
добровольно в Красную Армию, с тех пор проделал большой путь и
в последнее время работал начальником разведки 76 стр. Ельнинско-
Ковельской Краснознаменной дивизии.

22 июля с. г. я был ранен на территории Польши в правую ногу и очу-
тился в госпитале в г. Барнауле, после чего прибыл в вверенный вам от-
дел кадров. Оттуда ваши работники без долгих раздумий послали меня
в резерв в г. Омск. <...>

И вот я в резерве. Я не стал бы вам жаловаться, тов. полковник, если бы у меня была надежда на скорый отъезд отсюда. Но вряд ли в СибВО будут заявки на мою военную специальность и должность. Наоборот, есть все основания предполагать, что таких заявок не будет. И я, неплохо изучивший тактику и организацию немецкой армии, владеющий немецким языком, имеющий практический опыт по организации разведки, вынужден буду без пользы владеть «резервное» существование. Спрашивается, естественно, кому это на пользу? Не кажется ли вам, товарищ полковник, что ваши работники проявили бездушное, чиновничье отношение к офицеру, не доложив даже вам существо дела и просто спихнув меня в резерв?

Я знаю, что командир 76 сд, довольно высоко ценивший мою работу, пришлет на меня требование, я ему об этом написал. Но дивизия моя — возле Варшавы, и дело может протянуться долго.

Поэтому я прошу вас, товарищ полковник, принять все меры к тому, чтобы я мог продолжать свой нелегкий, но почетный труд разведчика. Вмешайтесь в это дело, направьте меня в Действующую армию, где я могу приносить пользу нашему делу, и положите конец равнодушному, стандартному отношению к людям со стороны некоторых ваших работников.

С комприветом, капитан Эм. К а з а к е в и ч

Мой адрес: г. Омск, I ОВПУ, подразделение 17. Казакевичу Э. Г.

В. Д. ОСТРОГОРСКОЙ

9.10.44

Очень хочется вырваться отсюда. Не сошелся характером с тыловой жизнью, а главное — война не кончена. <...> Относительно срока пребывания в Омске гадать трудно. Некоторые называют астрономическую цифру: 5 — 6 месяцев. Конечно, за такой срок эта спокойная жизнь бездельника способна меня уложить в гроб. Если бы я был способен одновременно с ношением погонцов писать, тогда дело другое. Но я не могу. Я здесь предпринимаю всё для того, чтобы меня отправили на фронт. Пусть будет не к полковнику, всё равно. Но это очень трудное дело здесь. И не держат ли меня для подвигов на неких островах?

Не дождавшись ответа, Казакевич сказал начальнику I ОВПУ, что ему нужно поехать на несколько дней в Москву, так как в журнале «Знамя» будет печататься его повесть под названием «Сын Звезды» и ему нужно работать с редактором. Название повести было придумано тут же во время разговора, ибо никакой повести не было. Ему был оформлен отпуск на 2 недели для поездки в Москву, но Казакевич поехал в свою часть, находившуюся под Варшавой. Ему вновь пришлось воспользоваться своим званием члена Союза писателей для того, чтобы во второй раз уехать из тыла на фронт.

<10.11.44>

Еду хорошо и уже подъезжаю к Ковелю.

<...> Чувствуется приближение к войне, и это как-то приятно волнует мое осолодлившееся сердце. Я понемногу приближаюсь к своей цели. Взгляни на карту и посмотри расстояние от Омска до Варшавы и ты увидишь, каков этот путь, преодолимый мной.

12.11.44

Я приехал, наконец. Как раз вчера выпал первый снег. Дело к зиме. Тут тишина почти полная, изредка постреливают.

Вопрос о моей работе еще не решен. Я, вероятно, буду на прежней должности, но не знаю — у З. П. <Выдригана> или в другом месте. Это решится сегодня или завтра¹.

¹ В этот же день приказом штаба 47 армии Казакевич был назначен помощником начальника информационного отделения разведотдела штаба 47 армии.

В. Д. ОСТРОГОРСКОЙ

15.11.44

Я мало писал эти дни — все еще неопределенно, а хочется сообщить уже окончательно, чем кончился мой вторичный быстрый отъезд на фронт. <...> Приехав в Брест, я пошел в погранохрану для пропуска. Тут мне предложили отправиться обратно в Москву «дооформить» удостоверение, которое, по словам майора-пограничника, какое-то не военное и не гражданское. Я не был доволен этим милым предложением и нашел способ приехать сюда без заезда в Москву. Честное слово, это был напряженный момент в моем путешествии.

Полевая почта 26771 «б». 19.11.44

<...> С далекого фронта шлю вам свой привет <...> У меня всё в порядке. Начал работать на новом месте. Вчера был у полковника, ночевал у него и рассказывал ему о вас, о вашем житье-бытье. Привет вам от него.

29.11.44

... в свободное время я читаю военные уставы и думаю над небольшой повестью, которую, кажется, напишу. Содержание повести такое: на фронт вылетела на самолете бригада артистов. «Гвоздь» бригады — знаменитая певица, с ней ее муж — знаменитый скрипач, несколько болезненный и красивый. Самолет заблудился в тумане, затем был замечен немецким истребителем, который погнался за ним. В результате самолет залетел за линию фронта и приземлился на лесной поляне. Здесь их подобрали партизаны. Командир партизанского отряда, товарищ В., — человек с легендарной известностью, славный исключительно дерзкими номерами, оказался первым мужем певицы. Она с ним рассталась когда-то, разлюбив его ввиду того, что считала слишком «обычным», «обыкновенным» и т. д. (все это, грубо говоря). Теперь она поражена перерождением, произведенным в нем войной. Она вторично влюбляется в него. Он ее все еще тайно любит, но у него жена — медсестра, милая, тихая и простая девушка. Начинается странный роман, полный лесного очарования и в дымке необычайных ситуаций. Скрипач страдает, медсестра тоже — все понемногу страдают. Наконец, товарищ В. ставит точку. Он путем дерзкой операции захватывает у немцев авиабензин, самолет заправлен и может улететь. И самолет улетаёт, увозя эту прекрасную женщину, полную раскаяния и уязвленной гордости. А командир партизан с болью в сердце остается в темном лесу исполнять свой тяжелый, но славный долг. Медсестра — рядом с ним, страдающая от чувства невозможности скромными своими силами заменить то блестящее и нежное видение. И он замечает ее чувство и целует ее, благодарный и смиренный¹. Как тебе нравится? Напиши мне.

Скажи нашим деткам, что я их очень люблю. <...> Пусть они прилежно учатся. Постарайся их учить и сама — особенно географии. Пусть они знают о большом мире, его странах и климатах, его горах и реках, городах, океанах и народах.

¹ На этот сюжет Казакевич позднее писал пьесу. В архиве писателя от нее сохранилось несколько картин.

3.12.44

Моя родная Галечка, свет очей, перед моими глазами все еще та маленькая станция, и та улица, и тот дом, и та хреновая комната, дорогая тем, что в ней живете вы трое, мои девочки¹. Там, наверное, уже снег и холод. Здесь еще сравнительно тепло, снега и в помине нет, и почти тишина — даже скучно такому старому солдату, как я.

Я был у полковника, он хочет очень меня взять к себе на прежнюю должность, но здесь, свыше, не отпускают.

Доехал я в последний раз хорошо. Ты ведь помнишь того славного летчика, моего знакомого, соскочившего с поезда. Мы довольно шумно целым вагоном встретили праздник.

¹ В это время семья Казакевича жила в г. Ямполе Сумской обл. На пути к фронту он на три дня заехал к семье.

6.12.44

Я жив и здоров. Кругом те же фронтовые будни, усугубленные дождливой погодой. Подходит неслышными шагами новый, 1945-й годок, последний год войны. В ожидании этого будем честно и твердо делать свое дело.

14.12.44

У меня всё по-прежнему — полнейшее благополучие и тишина. Хотелось бы, чтобы первое продолжалось, а второе скорей закончилось. <...>

Детки мои, Женичка и Ляличка! Почему вы мне не пишете? Напишите, как вы учитесь, как живете. Я постоянно жду ваших писем. Печатными буквами пишу вам в последний раз, пора вам разбирать писаное.

28.12.44

Мои родные девчонки, я с удовольствием читал ваши умные, рассудительные письма, полные тонких замечаний. Я во время чтения видел вас, мои милые, кареглазые детки, всех троих. Я читал Женичкино и Ляличкино письма всем моим боевым товарищам, и им очень понравились эти письма, они все ласково улыбались и просили передать вам, мои капитанские дочки, нежный привет.

На свете все идет превосходно. Будапешт, видимо, на этих днях освободят, и начнем бить немцев уже окончательно <...>

30.12.44

Наши мудрые детки радуют меня, старика, своими письмами. Пусть пишут чаще — это улаживает мое сердце и формирует их стиль.

<...> Тут очень теплая, сухая зима. Люди говорят по-польски, и я даже немного научился этому языку <...>

Моя любимая, скоро начнутся дела, и в новом году мы обязательно увидимся всерьез и надолго. Будем на это твердо надеяться.

31.12.44

Дорогая моя! Скоро он наступит, этот новый год, такой многообещающий и, может быть, самый трудный — как последний километр для одинокого путника <...>

Что же пожелать вам, мои родные, к новому году?

Тебе, Галечка, желаю быть всегда бодрой, уверенной, нежной к детям, требовательной к ним и к себе.

Вам, Женичка и Ляличка, желаю:

1) Хорошо учиться, быстро и легко читать, чисто и ясно писать, легко считать, много рисовать.

2) Быть честными, добрыми, веселыми.

3) Помогать маме и делом и добрым словом, не огорчать ее, научиться ловко хозяйничать в доме, чтобы у вас было уютно, чисто.

4) Быть друг для друга хорошими сестрами и близкими друзьями, не ссориться никогда, поддерживать друг друга, помогать друг другу.

А себе я желаю все то, что вы мне желаете и, кроме того, — чтобы вы мне чаще писали письма.

Всем нам желаю, чтобы в этом новом, 1945, году закончилась эта мерзкая война. И тогда все будет хорошо, и все наши желания исполнятся.

1945

2.1.45

В канун нового года крепко выпил за твое здоровье и за наших девочек: <...>

Итак, мы вступили в 1945 год. Что он готовит нам? Я лично убежден, что это последний год войны и что 1946-й мы будем встречать вместе в Москве. Итак, еще раз — в который раз! — приходится говорить тебе: крепись, старушка, держись!

Что касается меня, то я вместе с другими делаю свое дело, и когда мы пойдем вперед снова, твой муженек будет снова не из последних.

Видимо, как в том стихе, который я тебе писал во Владимире, «лишь Западом могу к тебе прийти я». Вот и лежит мой путь на Запад — к вам.

7.1.45

Дорогие мои детки, с истинным удовольствием читал я ваши письма. Очень прошу вас писать мне почаще, ваши письма красят мою фронттовую жизнь. Пишете вы уже довольно хорошо, и я этому радуюсь от всей души.

Позавчера я на самолете У-2 — это маленький двухместный самолет — летал в город Седлец и обратно. Опишу вам вкратце мой полет. Самолет У-2 — открытый: впереди место для летчика, сзади — для наблюдателя, а в данном случае — для пассажира. В этом самолете очень холодно. Самолет летит быстро и высоко — метров 120 над землей. Кроме того, пропеллер, который вращается с огромной быстротой, создает такой сильный ветер, что на аэродроме, где его запускают, просто с ног валит. Но летчик и я были одеты очень тепло — он в унтах, а я в валенках, в шапках-ушанках, в тулупах, и поэтому холод оказался нестрашным. Зато как приятно лететь, видеть под собой маленькую землю, заснеженные поля, маленькие домики и совсем малюсеньких людей, которые поднимают головы, чтобы видеть, как он летит.

Когда в городе, куда я летел, я сделал все дела, которые мне были поручены генералом — моим начальником, я вернулся обратно на аэродром, где меня ожидал летчик. На обратном пути у него было неприятное приключение. Высоко над нами пролетел немецкий самолет-истребитель «мессершмитт». Он, видимо, заметил наш безоружный самолет и пошел вниз, на снижение. Мы с летчиком заметили его, и летчик тоже пошел резко вниз и начал кружиться над большим лесом — он это сделал для того, чтобы темный самолет над темным лесом не был замечен немецкому летчику. Если бы мы полетели над полем, покрытым снегом, немец бы нас видел.

Все окончилось хорошо — фриц потерял нас из виду, и мы благополучно прилетели на свой аэродром. Я здорово замерз все-таки. Мы с летчиком выпили по стакану водки, чтобы отогреться, за что вы меня не осудите, мои милые мудрые детки.

В. Д. ОСТРОГОРСКОЙ

17.1.45

Наши части заняли Варшаву. До Берлина осталось 500 км. Может быть, этот удар окажется решающим. Войны оканчиваются неожиданно, потому что всякая радость кажется неожиданной.

17.1.45

Сегодня у нас праздничный день. Наши войска взяли Варшаву — огромный город, столицу Польши, один из красивейших городов Европы. Правда, немцы разрушили его не меньше половины, заминировали всё, но ничего — все будет восстановлено поляками с нашей помощью.

Мы наступаем стремительно. Опрокинув немцев мощным артиллерийским огнем нескольких тысяч орудий, войска пошли вперед. По дорогам на восток бредут сотни и тысячи пленных фрицев, почти оглохших от нашей артподготовки. Что касается тех немцев, которые не попали в плен, то они драпают на запад, теряя по дороге пушки, автомашины, винтовки, обозы и штаны.

Войска 1 Украинского фронта (это вы уже знаете из газет) только что овладели городом Ченстохов, а это 25 километров от германской границы. Варшава от Берлина километров 450. Скоро Берлин — значит, скоро я, побывавши там, вернусь к вам, мои дорогие девочки.

Кончаю на этом свое письмо. Не беспокойтесь, если будете получать письма от меня реже — нет времени.

ПЛЕННЫЕ

Вот плетется вереница пленных.
По камням шагов неровный стук.
Посмотрите — в посиневших венах
Кисти их больших недобрых рук.

Сколько нив взопло бы спелой рожью!
Сколько бы просторных городов!
Сколько бы мостов по бездорожью!
Сколько ласк для их несытых вдов!

Ты зачем ушел, проклятый дурень,
Из прирейнских солнечных долин,
Из хмельных баварских винокурен,
От своих Кресценций и Паулин?

.....
Из твоих бы рук свиней и уток
На саксонских хуторах кормить,
Башмаки тачать бы для разутых,
Пиво гнать да рубашонки шить.

Ты зачем пришел безликим хамом
Жизнь чужую разорять вокруг,
Теми ж человеческими руками
Рушить дело человеческих рук?

Сколько рук могучих, рук бесценных —
Их имеет только человек!..
Вот плетутся вереницы пленных —
Будьте же вы прокляты навек!

«Январь или февраль» 1945

21.1.45

Я ухожу от тебя всё дальше и дальше для того, чтобы скорей вернуться. Берлин уже очень близко. По дорогам тянутся пленные — по 200, по 300 человек под охраной наших двух-трех автоматчиков.

Если я теперь реже пишу, то потому, что нет времени — всё в переездах, в наступлении.

Впервые я во время наступления не впереди наступающей пехоты, — как обычно мне приходилось ранее по долгу профессии разведчика. Теперь я наступаю сзади. Это гораздо легче, конечно, хотя менее интересно. Все же весьма поучительно наблюдать сверху операцию большого масштаба.

НА ГРАНИЦЕ ГЕРМАНИИ

Фотография В. А. Рудного. Весна 1945 г.

Собрание В. А. Рудного, Москва

Германия, 29.1.45

Целую тебя и детей горячо. Мы вошли в Германию. <...>

Фрицы упорно обороняются, но не хватает силенок против нашего вала.

В Германии, 4.2.45

Я в Германии — среди черепичных кровель, лютеранских кирх, в суете великого наступления. Это наступление по праву будет названо великим.

В этом есть справедливость — после тех несравненных бедствий, пережитых моим народом, прийти сюда. Меня даже не смягчает вид испуганных немецких детей — справедливость жестока. Немцы убивали детей моего народа. Мы, конечно, детей не трогаем — на эту подлость наш солдат просто не способен. <...>

Гитлер решил, видимо, драться до конца. Тем ужаснее будет возмездие.

Галечка, ждать осталось не так уж много. Впрочем, на недели рассчитывать нельзя, рассчитывай на месяцы. Но уже не на годы. В период наступления я почти не писал тебе — нет времени, да и почта отстала <...>

Меня представили к награде за последнюю операцию — к ордену Отечественной войны I степени.

Шнейдемюль

<Первая половина февраля 1945 г.>

Мои родные дети, сейчас я нахожусь возле окруженного немецкого города, который мы берем штурмом. Идут упорные бои за каждый дом и за каждую улицу. С упорством разбойников, боящихся расплаты, немцы дерутся за каждую пядь земли.

Когда смотришь на немецких детей — их даже не жалко: ведь их безумные отцы принесли столько горя вам и миллионам других детей — французских, английских, польских, русских — они превратили весь мир в мир крови и слез.

И теперь мы добываем немцев для того, чтобы вы, мои дорогие Ляличка и Женичка, хорошо учились, росли спокойными, милыми детьми и выросли умными, хорошими людьми — вы и многие тысячи других детей.

На этом я кончаю это письмо — нет времени совсем, я не сплю четвертые сутки. Целую вас, мои милые и вашу маму.

Ваш папа

В. Д. ОСТРОГОРСКОЙ

4.2.45

Меня представили к награде — ордену Отечественной войны. Скоро я буду иметь столько орденов, как Денис Давыдов, и писать стихи — я полон ими, и они перекипают во мне, умирая не родившись — потому, что я не в силах делать две вещи зараз — воевать и писать.

20.2.45

Я тебе пишу теперь гораздо реже по вполне понятным тебе причинам. Нет времени. Я нахожусь в глубине Германии, и всё вокруг странно и непривычно. <...>

Трофеев здесь много, и я знаю, как много вам нужно, но я не обладаю способностями некоторых из моих товарищей в этом деле. Я не стану тебе объяснять — ты ведь знаешь меня, я думаю. <...>

Постараюсь выслать детям карандашей и бумаги как можно больше.

25.2.45

Мое 32-летие я с друзьями отпраздновал на германской земле. Мы крепко выпили, хорошо закусили и снова выпили. И не было недостатка в тостах за меня, за мою семью — сиречь за вас троих — и за мое счастье. Но все же возраст, между нами говоря, почтенный. А чувствую я себя таким молодым, как 15 лет назад. Ноги только староваты стали.

СЕСТРЕ

2.3.45

Мы продолжаем воевать. Вот так попал я за границу — вокруг деревни и города Германии, с кирпичами, черепичными крышами, мощеными улицами. Кирхи — огромные, холодные и пустые, с обязательным огромным органом в задней стене и с обязательной Библией в переводе Мартина Лютера, большого формата in folio. Ко всей этой картине той самой Германии, о которой мы так много читали и думали с самого детства, ко всей этой картине прибавляется умилительная картина убитых фрицев и напуганных до смерти фрицев и старых фрицев. Иногда жаль становится смотреть на этих людей, особенно на детей, но тогда вспоминаешь Керченский ров, Майданек, убитых женщин и детей, истребление евреев целой Европы, виновных только в том, что они этой нации, и начинаешь думать, что так справедливо, и иначе быть не может и не должно. Вина ваты немцы будут покараны, а невинные кое-что поймут. <...>

Впрочем, так или иначе — войну надо заканчивать. И я предполагаю, что конец ее уже не так далек. Еще один хороший удар, да еще совместно с англо-американцами, и дело будет сделано. Но удар должен быть нанесен сильный.

А мне между тем исполнилось 32 года, и предчувствие конца (надеюсь

все же, что он наступит не так уж скоро) иногда сжимает сердце. Последние четыре года прошли, собственно говоря, довольно бесплодно, я был оторван войной от моего дела в самом расцвете творческих сил. У меня было тогда чувство, что я могу сделать все, что захочу, какая-то большая мощь была, зрелость мысли и чувств, спокойная уверенность. Почти четыре года я не пишу. Иногда меня охватывает страх: а если я уже не смогу больше писать? Сяду и — не смогу? <...>

Конечно, потом видно будет. Теперь важно просто кончить войну, и если был подлинный талант, то он не пропадет.

10.3.45

Получил сегодня твоих два письма. <...> Не беспокойся обо мне, Галечка, я и жив и здоров. Просто нет времени, а часто возможности писать. Сегодня мне вручили третий орден — пора бы на этом кончать и число наград и войну.

Вообще война идет к концу. Мы стоим на Одере и вглядываемся в Берлин, который уже очень близок. Союзники взяли Кельн и форсировали Рейн, положив начало завоеванию жизненно-важного для Германии Рурского бассейна. Но немцы продолжают отчаянно сопротивляться. На что рассчитывает Гитлер? Трудно понять ход мыслей маньяка-шизофреника.

Я послал вам две посылки. Получили ли вы их? Во второй посылке — бумага и много карандашей для девочек.

В. Д. ОСТРОГОРСКОЙ

10.3.45

Война идет к концу, и мне пора возвращаться к своей старой, любимой профессии. И вот я впервые всерьез задумался об этом. Не пора ли мне — подумал я — пьяному кораблю, вернуться в лоно спокойных вод? <...> А вот что сделать для этого, я не знаю. И к кому идти за советом, тоже не знаю. <...> Мне кажется, что я уже всё испытал: и страдания, и лишения, и омерзение при виде низости, и восторг при виде благородства, — всё, чем богата война <...>

14.3.45

Сегодня я впервые за много лет вспомнил Липкина ¹. Это был, что там ни говори, мой лучший друг. Я еще надеюсь, что он когда-нибудь снова явится. Это будет большая радость для меня. Я вспомнил наши вечера тогда, после смерти мамы, как я читал мои стихи и Маяковского «Хорошо»; в комнате, еще пахнущей смертью и неизмеримой болью моей, было тихо. Он верил в меня, и это подогревало мою веру в себя. И тут же сидела ты, моя дорогая, и ты любила меня, и эта любовь твоя ко мне была моим единственным прибежищем, и дружба Липкина, своеобразная его личность на грани гениальности, окрашивала нашу любовь в странные тона. Может быть — это было счастье. Так жизнь поборола смерть. Да, моя Галечка, кажется — это было настоящее счастье, о котором я вспоминаю со сладкой болью в душе.

Дорогая моя, нас еще ожидает жизнь — но уже больше для детей, для будущего, может быть — для бессмертия (насколько это будет в моих силах). Будет еще счастье тоже, надеюсь. Но то, что было, всегда кажется сказочным.

¹ Друг Казакевича.

16.3.45

Мои милые девочки, Ляля и Женя, теперь идут непрерывные бои, и вашему папе некогда вам писать письма. Но не думайте, пожалуйста, что он о вас забыл. Нет, он помнит вас и любит вас по-прежнему.

А вот почему вы так редко мне пишете? <...> Здесь, далеко на чужбине, возле реки Одер, очень хочется получать письма от родных людей. <...>

А здесь война. Немцы бегут, хотя и сопротивляются. Берлин близко, и говорят, что на Гитлера там работают три прачешные, которые не успевают стирать ему белье, так он испугался, Гитлер.

21.3.45

Здравствуйте, старушки!

Жму ваши шесть рук и целую по шесть раз.

У меня всё в порядке. Бьем немцев почем зря. Война кончается, и я очень рад, что я в армии: может быть, я способствовал тому, что враг будет разбит на полсекунды скорее.

Много писать не могу — *нет времени*.

Целую еще по два раза.

В. Д. ОСТРОГОРСКОЙ

9.4.45

... письмо «Знамени» здесь было получено, но в силу сложившихся обстоятельств в просьбе было отказано. Правда, вокруг этого тут произошла некоторая суета, приведшая меня в умиление, ибо всякая наивность мила моей душе. Впрочем, я надеюсь, что по окончании вышеуказанных сложившихся обстоятельств я все-таки сумею поехать в Москву и закончить с «Сыном Звезды», столь дорогим моему сердцу. Сюжет «Сына Звезды» мне пришлось в различных вариантах рассказать десятку людей, в связи с чем ряд образов этого опуса еще ярче заблестал в моем сознании и я, наконец, понял, что необходимо напечатать его. «В повиновении силе объектива»¹. Я во многом сызнова переопенил атмосферу и идею этой чудесной повести, полной глубокой, почти жестокой правдивости и мягкого лиризма.

Повесть в моем кратком изложении произвела сильное впечатление на различных людей. Значит — она хороша². <...>

На берегу Одера видны берлинские пожары по ночам. Наступает кульминация.

¹ Цитата из вступления к поэме Б. Пастернака «Спекторский».

² О «Сыне Звезды» см. выше, комментарий на стр. 468. Судя по настоящему письму, сюжет этой не существовавшей во время отъезда из Омска повести в дальнейшем стал наполняться реальными образами и событиями. Можно думать, что этот сюжет позднее был положен в основу повести «Звезда».

9.4.45

Война между тем приближается к концу. Даже я, обычно не обольщавший себя пустыми надеждами, и то, трезво оценивая обстановку, могу с уверенностью сказать, что с Германией дело идет к концу. Естественно, это заставляет думать о послевоенных проблемах, не только общих, а и маленьких — в частности, квартирных и иных <...> Ничего конкретного я себе теперь еще не представляю. Знаю только одно: все должно быть и будет в порядке. <...>

А потом — работа, та работа, которой я не мог заниматься четыре года и к которой рвется моя почти онемевшая душа.

СЕСТРЕ

13.4.45

Родные мои, у нас всё по-прежнему, но это ненадолго. Что насаются союзников, то они «дают дрозда». Итак, этой славной весной и закончится в основном европейская война.

Здесь, в Германии, весна в разгаре. Деревья позеленели, и деревни выглядят очень кокетливо. Но, видит бог, что эта весна нужна русскому человеку, как собаке здрасте, — его тянет в свой Тамбов, в свой колхоз, в свою Россию, которая не знает, правда, черепичных крыш, но она — своя <...>

Не пора ли и мне взяться за мирный свой труд? Я был храбрым гусаром и честным гражданином в военном мундире. Но я ведь писатель и когда-то думал, что хороший. Конечно, «пора, мой друг, пора! Покаяние просит. Идут за днями дни, и каждый день уносит частичку бытия»¹ (и таланта! Э. К.).

Редакция журнала «Знамя» прислала моему начальству письмо с просьбой отпустить меня на три-четыре недели в Москву для работы с редактором над моей напумевшей повестью «Сын Звезды»² (вроде поручика Кижж ³). Но начальство, ввиду предстоящих событий, не отпустило. Что ж, начальство лучше знает. Писать, просить мне противно. А московские люди не сумеют, а главное, не подумают <...> Ладно, всё пойдет своим чередом. Кончим войну, а там всё образуется, как говаривал Стива Облонский.

¹ Не вполне точная цитата из стихотворения Пушкина «Пора, мой друг, пора!..»

² См. комментарий на стр. 468 и 476.

³ Имеется в виду герой рассказа Ю. Н. Тынянова «Поручик Кижж».

16.4.45

Дорогие дети, горячо и ласково поздравляю вас с предстоящим праздником 1 мая, который, быть может, окажется двойным праздником — праздником победы.

Еще несколько недель, а может быть, и дней — и эта кровопролитная война закончится. Это уже ясно. И очень правильно, если война закончится весной. Какая это будет радость для измученных сердец! Мы заживем как полагается, будем покупать и читать много красивых и хороших книг, кататься на лодках, ходить в кино и в театр.

26.4.45

Мои дети, пишу вам из пригорода Берлина, куда мы вошли после сильных боев.

Чувствую себя хорошо и предчувствую скорое окончание войны и скорую встречу.

У меня теперь очень мало свободного времени, и вы простите меня, что я мало пишу.

На Эльбе <Ратенов>, 9.5.45. В день Победы

Мои родные, этот день, долгожданный, о котором мы мечтали четыре тяжелых года, наступил. Еще считанные недели, и мы увидимся, чтобы не расставаться. Чего лучше, наступил конец войны, а я жив, полон сил, и седина на голове, не в сердце.

Мы раскрыли окна, и свет льется открыто на ночные улицы маленького немецкого города, где мы закончили наш поход. Машины идут с зажженными фарами. Только что передавали обращение Сталина к народу и его приказ войскам. Раздался последний мощный салют в этой войне.

Естественно, что я сегодня много думал и о тебе, Галечка, и о Жене и Ляле. Вам трудно, очень трудно пришлось. Будем надеяться, что черные дни кончились навсегда.

Вспомнил я и о друзьях, погибших в сражениях этой войны или пропавших без вести. Липкин, Зельдин, Олевский, Гуриштейн и многие другие. Что ж, совесть моя перед ними чиста. Я храбро воевал, и если мне повезло больше, то потому, что пути господни, как написано в старой книге, неисповедимы.

Теперь мы, разведчики, оставшись без противника, ждем распоряжений свыше. А душа рвется домой, в ликующую Россию, к вам.

Горячо поздравляю вас с полной победой над врагом.

* ИЗ НАГРАДНОГО ЛИСТА

Работая помощником начальника информационного отделения разведотдела 47 армии, капитан Казакевич Э. Г. много сделал по определению группировки и системы противника на западном берегу реки Одер.

Перед началом наступления много сделал по отражению системы обороны противника. <...>

В период прорыва и преследования противника внимательно следил за обстановкой, докладывал в штаб и информировал войска. Сам дисциплинирован и смел. Выезжал в войска, справедливо уточнял истинное положение на поле боя и своевременно докладывал командованию.

Заслуживает правительственной награды орденом Отечественной войны II степени.

Начальник разведотдела штаба 47 армии

полковник М а л к и н

3 мая 1945 г.

Достоин награждения орденом Отечественной войны II степени.

Начальник штаба 47 армии генерал-лейтенант Л у к ь я н ч е н к о

8 мая 1945 г.

* ИЗ ДОНЕСЕНИЯ

23 мая 1945 г. начальника разведотдела штаба 47 армии полковника
Малкина в разведотдел штаба 1 Белорусского фронта

... 4. Начальник 1 отделения разведотдела штаба гв. подполковник Шевченко и пом. нач. 2 отделения капитан Казакевич, прошедшие оба за время Отечественной войны путь от рядового бойца-разведчика, приступают к записи личных воспоминаний о подвигах разведчиков в годы Великой Отечественной войны.

Первые описания будут направлены вам к 15.6.45 г.

25.5.45

Ты напрасно волновалась. <...> Правда, я писал тебе реже, чем прежде — наступление не оставляло времени для писем — но все же писал. <...>

Итак, я жив и здоров, а война окончена. <...> Перед погибшими товарищами моя совесть чиста — я никогда ничего не делал для того, чтобы укрыться от военных опасностей.

Пока я всё в той же части и жду, как и все другие офицеры, распоряжений. Думаю, что вскоре мы увидимся. <...>

Меня представили к четвертому ордену. Видимо — выйду из войны награжденный четырьмя орденами и двумя медалями. Что ж, это не так уж плохо.

15.6.45

Да, действительно, времени свободного для писания писем у меня достаточно теперь, но настроения писать нет — все кажется, что вот-вот поеду. <...>

Пора, Галя, пора приняться за писанье. Годы идут, и ничего еще не сделано для вечности.

Подожди еще два-три дня, и я, надеюсь, сумею тебе написать новости.

ШТУРМ БЕРЛИНА

Рисунок В. В. Богаткина (итал. карандаш), 1945
Третьяковская галерея, Москва

10.8.45

В этой Германии, в которой теперь идут дожди, я всё по-прежнему живу, работаю. 15 августа я иду на комиссию. Если она признает меня негодным, я в скором времени уеду в Москву, сменяю форму на костюм (если таковой будет), и мы начнем сызнова строить свою жизнь.

Пока что на свете новая война — с Японией. Не сомневаюсь, что она будет менее тяжелой, чем прошлая, и закончится скорей. Впрочем, шапкозакидательство и здесь неуместно. Это будет война, а не прогулка по сопкам Маньчжурии. Так или иначе мы скоро увидимся <...> Все равно, в любом случае все «семейные» вопросы должны быть и будут разрешены нашим государством.

Как наши дорогие дети? Я совсем по вас соскучился.

Я уверенно и совершенно оптимистично смотрю на жизнь. Ибо я великий оптимист.

23.8.45

Давно не писал тебе, все время — в разъездах по Германии, по Саксонии дубовой, по Тюрингии сосновой¹, по Гарцу и т. д. Места красивые, всемирно известные, напичканные памятниками готической архитектуры и легендами, но — хочется домой. <...>

Поздравляю с неожиданно-скорой капитуляцией Японии² и, следовательно, концом второй мировой войны.

¹ Цитата из стихотворения Эд. Багрицкого «Птицелов».

² Капитуляция Квантунской армии началась 19 августа 1945 г. Акт о капитуляции Японии был подписан 2 сентября.

10.9.45

... лежал больной, вероятно, здорово продуло на машинах во время моих частых служебных странствий по Германии. Теперь всё в порядке, чувствую себя хорошо, и снова моя жизнь солдатская течет по-прежнему — в ожидании отпуска или — еще лучше — совсем.

Получил письмо от Л. уже из Москвы, с прежнего адреса. <...> Вернемся и мы. Вообще говоря, приходится констатировать как факт, что всем моим друзьям все удастся лучше, чем мне, в житейских делах. Это, конечно, не странно, но это мне чертовски надоело. <...>

Завтра я еду в одну важную командировку. После нее постараюсь сделать все для того, чтобы выехать в Русь родную.

14.9.45

Я все там же, в далекой Германии. Все так же делаю свое дело, думая о вас и ожидая встречи. Надоело и себе и вам говорить: терпение, скоро, скоро. Но ничего не поделаешь. Приходится повторять это знаменитое слово — *терпение*.

Может быть, хуже всего то, что нет возможности писать, ведь работы все-таки много.

19.10.45

Я уже писал тебе, что врачебная комиссия признала меня ограниченно-годным второй степени. Врачи удивлялись, как мог я быть разведчиком, имея такое зрение. Как видно, мог. <...>

Вчера я приехал из Веймара, где был в доме Гете, в доме Шиллера, в доме Листа. Очень интересно. Расскажу все, когда приеду.

1.11.45

Я лежу в госпитале — простудился. <...>

Поехать в Россию я сумею приблизительно во второй половине ноября. <...>

КОНЕЦ ГИТЛЕРОВСКОЙ АРМИИ

Пленные на улицах Берлина

Фотография В. А. Рудного, май 1945 г.

Собрание В. А. Рудного, Москва

Как ты легко можешь понять, зная меня немного, у меня ничего нет, как не было и до войны. Два-три военных костюма, четыре ордена и четыре медали — это все, или почти все, что я нажил. Поэтому перед нами, моя милая, встанет много горьких житейских проблем, которые мы должны будем решить. Это, конечно, меня не очень смущает, но первое время будет не очень легко, что ж, это значит, что придется много, очень много работать. И главное в этом деле — крыша над головой, а без крыши, как и без головы, работать невозможно.

Лежа здесь без дела, естественно думаешь об этих всех вещах, которые, конечно, уладятся, должны уладиться. <...>

Но (к счастью) и я, и ты принадлежим к той породе людей, для которых вещи, собственность — дело третьестепенное.

6.11.45

Теперь вечер 6 ноября. Все встречают праздник, а мне вот не повезло — я все еще в госпитале.

Поздравляю вас с нашим великим праздником. Еще немного потерпим, а потом встретимся уже, наконец.

Германия, 24.12.45

Дорогие мои Женичка и Ляличка!

Сегодня я получил от вас ваши милые письма. Спасибо за то, что написали. Молодцы! Вы уже пишете довольно прилично, просто удовольствие.

Я уже здоров и вместе с моими товарищами навожу порядок в Германии.

1946

3.1.46

Женичке и Ляличке большое спасибо за их милые письма. Что касается знаков препинания в Женичкином письме, то они расставлены очень правильно, и я, вторично внимательно прочитав ее письмо, только в двух местах обнаружил не совсем правильную расстановку их, но это настолько неумовимо, что иной взрослый тоже не сумеет это сделать.

С чувством умиления думаю я о том, что у меня за это время выросли две взрослые дочери — единственное, что я сделал пока за свою жизнь фактически.

16.1.46

Получил сегодня письмо от генерала Выдригана — моего старого командира. <...> Он очень меня любит, как и я его. Вообще мне везло на командиров. Впрочем, я был хороший солдат. Я говорю «был», потому что после войны я уже не тот, хочется вернуться к столу и перу.

25.1.46

Приходится много разъезжать по Германии, это, конечно, очень интересно. Пригодились мои занятия немецкой литературой. Я свободно говорю по-немецки, и это мне облегчает проникновение в жизнь этой страны, ставшей чуждой для всего мира.

В марте я выеду домой, видимо, наверняка. С нетерпением этого жду. Правда, перед нами встанет много далеко не решенных проблем, квартирные и другие. Но это меня не страшит. <...> Ну, ты большой молодец. Продолжай и дальше следить за детьми и развивать их всячески, а потом и я помогу.

Передай им, что я купил для них полное издание «Жизни животных» Брема с красочными изображениями всех птиц, зверей и рыб вселенной. Текст, правда, немецкий, но это не беда — рисунки интернациональны, а перевод я сделаю.

НАЧАЛЬНИКУ ШТАРМА ОТ КАПИТАНА КАЗАКЕВИЧА Э. Г.

РАПОРТ

Ввиду того, что я слеп, как сова,
И на раненых ногах хожу, как гусь,
Я гоюсь для войны едва-едва,
А для мирного времени совсем не гоюсь.

К тому ж сознаюсь, откровенный и прямой,
Что в военном деле не смыслю ничего.
Прошу отпустить меня домой
Немедленно с получением сего.

Эм. К а з а к е в и ч

З. П. ВЫДРИГАНУ

16.1.46

Мне даже весело становится, когда я представляю себе нашу встречу. Действительно, нам все-таки здорово везло, если не считать нескольких дырок от пуль и осколков. Но что и вы и я сумели сохранить — это бодрость, природный оптимизм, трезвый и веселый взгляд на жизнь.

28 февраля 1946 г. Казакевич был демобилизован и вернулся в Москву.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В. И. ШИКОВ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ОБ Э. Г. КАЗАКЕВИЧЕ

ЗАПИСКИ ОДНОПОЛЧАНИНА

Эммануила Генриховича Казакевича первый раз я увидел на Западном фронте в сентябре 1943 г., вскоре после освобождения города Ельни. В тот день 216 полк нашей 76 стрелковой дивизии находился на опушке соснового бора, что между Ельней и деревней Большое Тишево. Туда лейтенант Казакевич привел пополнение. В то время он был офицером оперативного отделения штаба дивизии. Круг его служебных обязанностей был очень широк. Вместе с другими офицерами он готовил данные, по которым командир принимал решение на бой; оформлял решения комдива приказами и распоряжениями; доводил их до полков и подразделений, проверял и помогал точно их выполнять. Для этого ему надо было постоянно изучать состав противника и характер его действий, знать боевые возможности, материальное и техническое обеспечение полков и подразделений своей дивизии, знать боевые задачи соседей.

Штаб дивизии во время боев находился в 4—6 км от передовой линии фронта. Противник всегда стремился узнать его расположение и уничтожить артиллерийским и минометным огнем или ударами бомбардировочной авиации. Тогда мы несли потери. Были убитые и раненые. В минуты смертельной опасности Эммануил Генрихович вел себя поразительно хладнокровно. Он даже не прерывал того дела, за которым его заставлял огневой налет врага. Если писал, — продолжал писать, если разговаривал по телефону, то интонация его голоса не менялась.

Но не это отличало его от других. Так поступали многие бойцы и командиры. В опасные моменты у Казакевича очень резко проявлялась другая черта — наблюдательность. За 19 лет нашего знакомства мне вообще никогда не приходилось видеть Казакевича рассеянным или невнимательным. А когда кругом бушевала смерть, он становился как-то особенно наблюдателен. В это время Эммануил Генрихович успевал видеть гораздо больше, чем мы. Характерно, что в минуты смертельной опасности он меньше всего интересовался тем, что целиком поглощало наше внимание. Мы следили, как правило, только за противником, за каждым новым заходом бомбардировщиков на цель, а Казакевич в это время наблюдал за людьми, примечал каждое движение, запоминал фразы, которые срывались с наших уст в эти страшные мгновения, следил за выражением лиц — словом, ничто не ускользало от его внимательных глаз.

Так же Казакевич вел себя на передовой во время боя. Ему всё хотелось видеть своими глазами, всё хотелось заметить и запомнить. В таких случаях он забывал об опасности. Иногда, в самый разгар боя, когда кругом гуляла смерть, Казакевич мог встать в полный рост и смотреть подобно зрителю, который не может оторвать глаз от сцены, где разыгрывается театральное представление.

Близко познакомился я с Эммануилом Генриховичем в ночь с 22 на 23 сентября 1943 г., после боя за платформу Панская, что между Смоленском и Рославлем. В то время я работал агитатором политотдела дивизии и по долгу службы должен был широко пропагандировать героические подвиги воинов своего соединения и на них воспитывать высокие морально-боевые качества бойцов и командиров. Днем на НП командир 93 полка майор Сальманов рассказал мне, что дня два-три назад, в бою перед деревней Жигалово, Казакевич лично убил трех фашистов, захватил немецкий обоз и сдал в полк 12 подвод, нагруженных консервами, галетами и нательным бельем. А поздним вечером, в землянке, я встретил самого героя этого боя — Казакевича и пристал к нему: Расскажи да Расскажи, как ты захватил немецкий обоз.

Эммануил Генрихович рассказывать явно не хотел. Я настаивал.

— Да отвязись ты! Будто не знаешь, как бьют немцев, — отмахнулся он. И после небольшой паузы Казакевич спросил:

— Говорят, что ты долгое время был разведчиком. Расскажи о первом своем удачном поиске.

Я знал, что Эммануил Генрихович тоже начинал войну рядовым разведчиком и поэтому поставил ему условие: «Расскажу, если и ты расскажешь о своем первом „языке“». Казакевич согласился... Когда я закончил свое повествование, он сказал: «У меня все было гораздо проще». Вот что я услышал в тот вечер из его уст.

Однажды, когда он был еще в народном ополчении, их выстроил командир и сказал: «Кто хочет идти в разведку? Два шага вперед!». Казакевич сделал эти два шага...

Линию фронта перешли очень удачно, даже ни одного немца не увидели. Среди бела дня взяли «языка». Изрядно выпивший фашистский солдат, горлая песню, шагал по пустынной дороге. Его скрутили, заткнули рот pilotкой и потащили, прежде чем гитлеровец успел опомниться. «Мне тогда показалось, что разведка — дело простое», — закончил свой рассказ Эммануил Генрихович.

Через пять лет, когда я читал великолепную, как песня, повесть «Звезда», в восьмой главе сразу же узнал первого «языка», захваченного Казакевичем. Потом я спрашивал у писателя: «Это твой „первенец“?». Эммануил Генрихович подтвердил. Только в повести этого немца автор поставил в другие условия. Гитлеровец трезвый, идет из госпитали и не горланит, а «насвистывает песенку».

В ту памятную дождливую ночь на Смоленщине, с которой началась наша фронтная дружба, Казакевич все-таки уступил моей настойчивой просьбе и рассказал о том, как он 19 сентября 1943 г. захватил небольшой немецкий обоз. Правда, из его слов опять получалось, что никакого подвига при этом не было. Ему надо было добраться до переднего края. Идти по дороге через высоту было нельзя: по ней противник вел интенсивный огонь. Встретившийся Казакевичу майор Карлов, возвращавшийся с передовой, сказал, что наши уже заняли деревню Жигалово. Казакевич ему поверил. Спустился в лощину и, хотя туда тоже залетали мины, вышел, используя чахлый кустарник, на высоту, покрытую густым лесом, перед которым тянулась сыпучая траншея. В траншее ни души; ни наших, ни немцев. Эммануил Генрихович достал из полевой сумки карту-километровку. Ориентировался. По прямой до Жигалова было не меньше двух с половиной километров. Он пошел в эту деревню, пробрался через лес и вышел на поле. Слева, из леса выходила проселочная дорога на Жигалово. Впереди из-за небольшой возвышенности виднелись жигаловские крыши. И тут он услышал лошадиный хrap, скрип повозок и немецкую речь. Казакевич и два сопровождавших его бойца скрылись за деревьями. На дороге показался обоз первой автоматной очереди «срезать» замыкающего повозочного вместе с лошадью, а затем бить остальных. Солдату Волкову — уничтожать центр. На себя взял голову обоза. Когда обоз вытянулся из леса на поле и оказался на расстоянии 30—40 м от засады, по нему одновременно хлестнуло три очереди. Вместе с повозочными замертво упали лошади в голове, в середине и в хвосте колонны. Началась паника. Удар был настолько неожиданный, что никто из немцев не сообразил взяться за оружие. Гитлеровцы остервенело дергали за вожжи, стараясь вырваться из образовавшейся пробки. Это замешательство и входило в план Казакевича. Наши товарищи отлично использовали возникшую растерянность обозников и хладнокровно уничтожали очумевших от страха фашистов. Вскоре все было кончено. Только несколькими немцам удалось удрать в лес. А через некоторое время Казакевич увидел четыре фашистских танка, которые появились в километре справа. Они отходили на Жигалово. За ними мельтешила пехота противника. «Тут я понял: не немецкий обоз оказался в нашем тылу, как я думал вначале, а мы в тылу противника. Если б знал это — ни за что бы не напал на *Wagenzug* Гитлера», — улыбаясь закончил Эммануил Генрихович.

К октябрю наша дивизия с боями прошла с востока на запад всю Смоленскую область. Впереди была, как выразился Казакевич, Белая Русь. Здесь, километрах в четырех западнее деревни Сысоево, мы натолкнулись на сильно укрепленный рубеж немцев. Командующий армией приказал нам начать наступление 5 октября и прорвать оборону противника.

Перед рассветом на фронте затихло. Молчало все — пушки, минометы, пулеметы,

ГРУППА ОФИЦЕРОВ РАЗВЕДОТДЕЛА ШТАБА 47 АРМИИ

Сидят (слева направо): подполковник Н. Вишняков, подполковник Н. С. Шевченко, начальник разведотдела полковник М. Б. Малкин, майор Н. М. Пономарев. Стоят: Э. Г. Казакевич, капитан В. Ф. Глушков, майор Г. Е. Жолнин, майор А. Ф. Шешенев

Фотография. 1 Белорусский фронт, Галле (Германия), весна 1945 г.

Собрание Г. О. Казакевич, Москва

автоматы. На востоке, за нашей спиной, занималась заря. Впереди, за ложиной, из предутренней дымки вырисовывалась гряда. На этой гряде были немцы. Предстояло выбить их оттуда. Шли последние приготовления к атаке. Эммануилу Генриховичу комдив приказал остаться на НП.

Атака началась перед восходом солнца — в 6 час. 30 мин. «Вперед!» — понеслось по цепям батальонов. Солдаты дружно поднялись и побежали к высоте. И тут застучали пулеметы противника. Поток пуль резанул по цепи. Некоторые упали, чтоб никогда больше не встать. Кто-то крикнул «ура». «Ура!!!» — подхватили остальные, ускоряя бег. Но вот за высотой ухнуло орудие, и перед атакующими разорвался снаряд. И началось! От взрывов снарядов и мин задрожала земля. Это противник обрушил на головы наступающих море огня. Не выдержав, наши цепи залегли. Спасаясь от смерти, каждый искал укрытие. Одни вползали в воронки от снарядов, другие, лихорадочно работая лопатками, окапывались там, где были огнем прижаты к земле.

На НП зазуммерил телефон — комдива вызывал командующий. З. П. Выдриган доложил обстановку, потом долго слушал, изредка стараясь ответить, но командарм не хотел его слушать, прерывал на полуслове, видно крепко ругался, угрожал трибуналом.

Закончив разговор, командир дивизии гневно спросил меня:

— Почему лежат красноармейцы? Где ваша агитация? Немедленно идите и поднимите людей в атаку!

— Есть поднять в атаку, — ответил я и выпрыгнул из окопа.

— Вернитесь! — приказал комдив, — пойдете с группой.

Выдриган выделил для этой цели еще четырех офицеров. Среди них был Казакевич.

Чтоб добраться до прижатых к земле рот, предстояло преодолеть метров восьмьсот, не больше. Но каких метров! Казалось, тысячи смертей, опьяненных людской кровью, дико скакали по полю и остервенело рвали землю, покрытую осенней сединой.

«А, была не была!» — махнул рукой Эммануил, и мы, выскочив из траншеи, рванулись вперед. Казакевич был опытный солдат. Бежал по всем правилам — молниеносно вскакивал и, бросаясь то вправо, то влево, что есть духу мчался вперед метров сорок, камнем падал на землю и по-пластунски отползал на несколько метров в сторону. Если представлялась возможность, то старался прыгнуть в воронку от снаряда, а потом высматривал другую и делал новый рывок. Кругом рвались мины, шипели осколки, жужжали пули, в небо взлетали комья земли. С каждой сотней метров уменьшалась наша «пятерка»: одного убило прямым попаданием мины, второго прошила пулеметная очередь, третий, легко раненный, остался лежать в воронке.

Мы доползли, наконец, до канавы, ставшей спасительным укрытием для наступающих. Нашли командира полка подполковника Левитина, передали ему приказ комдива: «Поднять людей в атаку».

— А я приказ выполняю — атакуем, — сказал Левитин.

— Лежа атакуете? — спросил Казакевич.

— Не лежа, а ползком, — ответил командир.

— А что докладываете «десятому»? («десятый» — позывной комдива) — допытывался Эммануил Генрихович.

— Так и докладываю: ползем вперед.

— Но бойцы-то лежат на месте, а не ползут. Что скажете комдиву после боя?

— Скажу, что ползли, ползли да и приползли. Спросит: «Куда приползли?» Отвечу: «В свою траншею!» — и уже гневно продолжал: — Вы что? Не видите? Поднять в атаку — значит расстрелять полк!

В воздухе стоял грохот. Поле боя стонало. Кричали раненые: «Помогите! Братцы, помогите! Спасите!..» Казакевич пододвинулся ко мне и тихо сказал:

— Левитин прав. Какая уж тут атака! Главное сейчас — помочь раненым, а вечером, когда стемнеет, надо убитых вытащить, похоронить по-человечески...

Верховный Совет Туркменской ССР принял шефство над нашей дивизией. Из Ашхабада приехала делегация, привезла несколько вагонов подарков: урюк, кишмиш, сушеные яблоки, виноградное вино. Для создания документального фильма о дивизии приехало два писателя, два художника, два кинооператора. Было приказано обеспечить необходимые условия для съемок. В их распоряжение выделяются подразделения, которые повторят подготовку к наступлению, атаки и преследование противника. Будут снимать сожженные деревни, зверства фашистов. «Какой же это, к чёрту, документальный фильм! Бутафория! Снимать за двадцать верст от передовой!» — возмутились офицеры, услышав об этом. — «Пусть снимают настоящий бой!..» Заговорили о том, что о нас, фронтовиках, сейчас много пишут, а полную правду войны не показывают. Не могут. Казакевич в разговор не вмешивался. Он сидел, прислонившись к дереву, и смотрел вдаль. Казалось, не слушает спор. Но как только майор Карлов безапелляционно заявил: «И никогда не напишут!», Эммануил Генрихович, не поворачивая головы, спокойно сказал:

— И книги напишут, и сложат легенды про нашу бессмертную рать.

Ему возразили:

— Напишут много. Трескучих фраз нагромоздят, а всю правду войны не покажут. Не покажут, потому что писатели и художники с нами в атаки не ходят, не знают, что чувствует боец, сидя в окопе с противотанковой гранатой, когда на него прет немецкий «тигр» или «пантера», не знают, что значит идти в штыковую.

«Ошибаетесь, друзья! Правду такой войны не скроешь». — Казакевич стал доказывать, что в литературе войну покажут правдиво, объективно, многогранно. Нельзя ориентироваться только на маститых литераторов, широко известных мастеров слова. Вперед надо смотреть. Вокруг миллионы. Среди них — будущие писатели и поэты, художники и артисты. Произведения о войне создадут те, кто еще не успел написать ни одной строчки, те, кто еще сам не знает, что он — талант, будущий бытописатель войны. Учтите, что многим воинам сейчас только по 18—20 лет. Вся жизнь у них впереди.